

Три рассказа о патере Брауне

Гилберт Кийт Честертон

Гилберт Кийт Честертон (1874—1936) — один из самых известных мастеров детективного жанра. Мы бы назвали его парадоксалистом: истинные характеры персонажей, логика сюжета, да и смысл происходящего оказываются совсем не такими, как кажется на первый взгляд. Парадоксален замечательный роман Честертона «Человек, который был четвергом»: среди членов тайного общества, называвших себя не по именам, а по дням недели, все были... агентами полиции. В том числе и человек, откликнувшийся на имя Воскресенье, — главарь заговорщиков. Но более всего Честертон знаменит как автор рассказов. Лучшими у него считаются новеллы о патере Брауне. Тихий, застенчивый и неприметный католический священник оказывается замечательным психологом и мастером логического умозаключения, он сочувствует «маленькому человеку», на которого так похож сам: «коротышка» с «детским лицом», «круглыми глазами», «большой круглой головой». И поэтому он так убедителен, так достойно выглядит на фоне людей скаредных, гордецов и честолюбцев. В то же время он никого не осуждает: «не судите, да не судимы будете». Если и наказывает что-то патер Браун, то это зло; к человеческим слабостям же он снисходителен. Больше всего непохож этот человек на детектива, однако именно патеру Брауну было суждено открыть в литературе галерею «нетипичных детективов», таких, как, например, Мегрэ или Анискин. Из большого цикла рассказов о патере Брауне некоторые до сих пор остаются не слишком известными отечественным читателям; среди них рассказы «Сокровенный сад» из сборника «Неведение отца Брауна» (1911), «Машина ошибается» из книги «Мудрость отца Брауна» (1914) и «Призрак Гидеона Уайза», входящий в сборник 1926 года «Недоверчивость отца Брауна».

Анатолий Кудрявицкий

СОКРОВЕННЫЙ САД

(Из сборника «Неведение отца Брауна», 1910)

Аристид Валантэн, глава парижского сыска, опаздывал на званый обед в собственном доме. Гости уже начали прибывать, и старый слуга по имени Иван, которому хозяин всецело доверял, постарался успокоить прибывших. Иван был не только слугой, но и охранником — он всегда сидел за столиком в прихожей, на стенах которой висело самое разнообразное оружие. Лицо этого человека было отмечено шрамом и казалось таким же серым, как и свисающие усы.

Старинный дом Валантэна был, пожалуй, не менее знаменит, чем его владелец, и производил столь же странное впечатление. Участок окружала высокая стена; ветви могучих тополей нависали над Сеной. Странность же этого дома — и, быть может, немаловажное достоинство с точки зрения безопасности хозяина — заключалась в том, что в сад нельзя было попасть иначе чем через парадный подъезд, охранявшийся Иваном, в чьем распоряжении имелся целый арсенал. Сад отличался немалыми размерами и содержался весьма аккуратно. Из дома сюда вело множество выходов, однако с улицы войти было невозможно — участок окружала высокая неприступная стена с остриями на гребне. Именно таким, наверное, и должен быть сад человека, с которым поклялись расправиться сотни уголовников.

Иван сообщил гостям, что хозяин предупредил его по телефону: он задерживается на десять минут. По правде говоря, Валантэн был занят весьма неприятным делом: отдавал последние распоряжения относительно казни преступников; хотя подобные обязанности были ему глубоко противны, он ими не пренебрегал. Беспощадно охотясь за преступниками, он становился весьма снисходительным, когда речь шла о наказании. Во французских — и, более того, в европейских правоохранительных органах он завоевал большой авторитет и, к чести для себя, пользовался своим влиянием для смягчения приговоров и тем самым способствовал очищению тюрем. Этого человека можно было назвать одним из наиболее гуманных французских вольнодумцев, весьма достойных людей, единственным недостатком которых является то, что они оказывают милосердие ближнему своему с еще большим холодом в сердце, чем когда вершат над ним правый суд.

Наконец Валантэн прибыл. Он был одет в черную пару, в петлице красовалась алая роза — элегантный и статный мужчина, ничего не скажешь, хотя в его черной бороде уже пробивалась седина. Валантэн прошел прямо к себе в кабинет, откуда можно было попасть в сад. Дверь как раз оказалась открыта. Хо-

зьяин дома убрал свой чемоданчик в ящик стола, запер его, затем подошел к выходу в сад и несколько мгновений простоял в дверном проеме, обозревая открывшуюся перед ним картину. Острый месяц нещадно рассекал лохмотья предвещавших грозу серых туч; Валантэн наблюдал за этим с задумчивостью, необычной для людей с научным складом ума. Быть может, подобные натуры способны обуревать предчувствие того, что им скоро предстоит оказаться перед самой невыносимой дилеммой в своей жизни. Однако какие бы невероятные мистические предвидения ни посетили начальника полиции, он быстро пришел в себя — ему ведь было известно, что он опоздал и гости уже начали собираться.

Войдя в гостиную, он с первого взгляда понял: самый долгожданный посетитель еще не прибыл. Остальные же были почти все налицо: лорд Гэллоуэй, английский посол — пожилой мужчина с холерическим темпераментом; его кирпично-красное лицо напоминало спелое яблоко, в петлице фрака голубела ленточка ордена Подвязки; рядом с лордом была супруга — изящная, хотя и худая, как спичка, с седыми волосами и запоминающимся лицом, выдававшим незаурядную и способную на глубокие чувства натуру; дочь посла тоже стояла неподалеку. Звали ее леди Маргарет Грэм; это была бледная хорошенькая девушка с медного оттенка волосами, судя по лицу, прокажница. Присутствовала также черноглазая дородная герцогиня Монт-Сен-Мишель с двумя дочерьми, такими же черноглазыми и дородными. Был здесь доктор Симон, типичный француз-ученый — в очках, с бородкой клинышком и высоким лбом, который пересекали параллельные ряды морщин (наказание, уготованное людям высокомерным, имеющим обыкновение поднимать брови). Присутствовал также отец Браун из местечка Кобхоул в Эссексе — с ним Валантэн недавно встречался в Англии. Хозяин заметил среди собравшихся еще одного человека — и тот, вероятно, вызвал у него наибольший интерес. То был высокий мужчина в военной форме; в эту минуту он как раз раскланивался с семейством Гэллоуэй, хотя его ожидал здесь не слишком сердечный прием; сразу же после этого военный направился к хозяину дома, дабы засвидетельствовать ему свое почтение. Звали его О'Брайен, он служил во французском Иностранном легионе и имел высокий чин командора. О'Брайен был темноволос, голубоглаз, чисто выбрит, строен; осанка его выдавала привычку повелевать. Как то пристало офицеру подразделения, прославившегося триумфальными провалами и самоубийственными победами, он имел одновременно лихой и меланхоличный вид. По рождению этот человек был знатным ирландцем, в детстве и юности водил знакомство с Гэллоуэями, особенно с их дочерью, Маргарет Грэм. Долги вынудили его покинуть родину. Теперешний его наряд — военная форма, шпоры, сабля — демонстрировал полное пренебрежение британским этикетом. Когда он поклонился семье посла, лорд и леди Гэллоуэй ответили принужденным поклоном, а леди Маргарет отвела взгляд в сторону.

Однако по каким бы коренящимся в глубоком прошлом причинам гости ни проявляли интерес друг к другу, знаменитый хозяин дома выказал ко всему этому полное равнодушие. Никого из них он не мог бы назвать гвоздем про-

граммы; нет, это должен был быть другой человек, всемирно известный, чье расположение он снискал во время своего визита в Новый Свет, принесшего ему славу как выдающемуся борцу с преступностью. Этим человеком являлся Джулиус К. Блэйн, мультимиллионер, — его огромные, непомерные пожертвования в пользу приверженцев непопулярных религий дали возможность английским и американским газетчикам раздуть его славу. Никто не знал, был ли мистер Блэйн атеистом или мормоном, адвентистом седьмого дня или адептом Христианской Науки, однако он неизменно проявлял готовность сыпать деньги в любую бочку при условии, что ее только что перед ним поставили. Он ожидал того благословенного дня, когда в Америке появится свой Шекспир, — занятие, требующее больше терпения, чем даже рыбная ловля. Уолт Уитмен¹ приводил его в восхищение, однако он считал, что некий Льюк П. Тэннер из городка Парижа, что находится в штате Пенсильвания, гораздо более «прогрессивен», чем Уитмен. Миллиардеру нравились «прогрессивные люди». Он считал прогрессивным даже Валантэна, впрочем, совершенно несправедливо.

Появление в комнате массивной фигуры Джулиуса К. Блэйна оказалось столь же категорическим, как гонг, сзывающий гостей к столу. У этого человека имелась черта, не свойственная большинству из нас: его присутствие казалось не менее заметным, чем его отсутствие. Это был огромный мужчина, полный и высокий, одетый в черный фрак; черноту эту не умерял блеск часовой цепочки и массивного кольца на пальце. Седые волосы Блэйна были зачесаны назад на германский манер, лицо отличалось краснотой, черты его казались какими-то детскими и в то же время неприятными; пучок волос, свешивавшийся вниз с подбородка из-под самой нижней губы, придавал этому человеку с внешностью невинного младенца вид театрального злодея, чуть ли не Мефистофеля. Общество, впрочем, недолго любовалось знаменитым американцем — к его манере опаздывать все уже привыкли, так что ему почти сразу же предложили проследовать в столовую рука об руку с леди Гэллоуэй.

Если не считать одного большого вопроса, семейство английского посла было достаточно приветливо и общительно. Поскольку леди Маргарет сделала вид, что не замечает протянутой руки этого авантюриста О'Брайена, и вполне пристойно проследовала в столовую с доктором Симоном, отец ее был вполне удовлетворен. Однако, несмотря на это, старый лорд Гэллоуэй чувствовал беспокойство, даже нервничал и в разговоре с трудом заставлял себя быть учтивым. Во время обеда ему еще удавалось соблюдать приличия, но когда трое мужчин помоложе — доктор, отец Браун и О'Брайен, этот вредоносный отщепенец в чужом мундире, — закурив сигары, вышли из комнаты — то ли для того, чтобы присоединиться к дамам, то ли с целью спокойно покурить в оранжерее, английский дипломат дал волю своему раздражению. Его, не переставая, язвила мысль, что этот проходимец О'Брайен в эту самую минуту, быть может, пытается завязать разговор с Маргарет или, чего доброго, уже с ней беседует. Сам же посол остался пить кофе с Блэйном, седовласым янки, верившим во

¹ Уитмен Уолт (1819—1892) — великий американский поэт, автор эпической книги «Листья травы», зачинатель современного верлибра, т. е. свободного стиха. — *Примеч. перев.*

всех богов, и седеющим французом Валантэном, не верившим ни во что. Эти двое могли спорить сколько им угодно, но заставить посла ввязаться в свою дискуссию были бессильны. К тому времени, как спор о том, что считать прогрессивным, достиг своего апогея, то есть стал невыносимо скучен, лорд Гэллоуэй наконец поднялся и покинул комнату в надежде самостоятельно разыскать гостиную. Это, однако, оказалось не таким простым делом, и, лишь проблуждав минут пять-семь в бесконечных коридорах, лорд услышал высокий голос морализировавшего доктора, а затем глухо прозвучавший ответ отца Брауна, слова которого были встречены общим смехом. «И эти тоже, черт их возьми, спорят, — думал посол. — Вроде бы насчет взаимоотношений науки и религии». Однако в тот момент, когда лорд Гэллоуэй открыл дверь и вступил в гостиную, он заметил лишь единственное: в комнате кое-кого не хватало. А именно, командора О'Брайена и леди Маргарет.

Нетерпеливо покинув гостиную, как недавно столовую, лорд Гэллоуэй снова попал в длинный коридор. Намерение уберечь дочь от этого ирландского — или теперь алжирского? — мошенника прогнало все прочие мысли и воцарилось у него в голове как самодержец, как безумный властитель. Когда лорд оказался в задней части дома, где помещался кабинет Валантэна, ему вдруг, к его удивлению, попала навстречу дочь — она неслышно проскользнула мимо, на бледном ее лице играла презрительная усмешка. Это озадачило посла не менее, чем недавнее отсутствие Маргарет. Если она говорила с О'Брайеном, куда тот делся? Если же она с ним не говорила, что она делала все это время? Со жгучей старческой подозрительностью Гэллоуэй на ощупь пробирался по полутемным коридорам в глубь дома. Тут он случайно набрел на один из выходов в сад, которым обычно пользовались слуги.

Ятаган месяца к этому времени распорол все штормовые паруса туч и разрезал их на мелкие клочки. Серебристый свет залил все углы сада; посол вдруг заметил высокую фигуру в голубом одеянии, двигавшуюся по газону в направлении одного из входов в дом. Вот на лицо этого человека пал один из ярких бликов — и этого оказалось достаточно, чтобы вполне отчетливо стали видны черты командора О'Брайена.

Молодой офицер прошел через балконную дверь и скрылся в доме; наблюдавший за ним Гэллоуэй пребывал в неопишемом настроении — он злился, но не мог понять, на кого именно. Серебристо-голубой сад, так похожий на театральные декорации, казалось, насмехается над ним, околдовывает насильственной своей нежностью, против которой восставало мирское величие посла. Широкая, исполненная грации походка ирландца вызвала в старом лорде ярость, как будто этот человек был его соперником в любви; лунное сияние сводило его с ума, завлекало в ловушку, заманивало в волшебные миры Ватто¹, в вертоград трубадуров. Желая стряхнуть это идиотское наваждение, посол торопливо зашагал следом за недругом, но почти сразу же споткнулся о какой-то предмет в траве — то ли о камень, то ли о бревно. Он бросил на землю раздра-

¹ Ватто Антуан (1684—1721) — французский художник, автор отличающихся изысканной нежностью красочных полотен — бытовых и театральных сцен, «галантных празднеств». — *Примеч. перев.*

женный взгляд, но раздражение тут же сменилось изумлением, затем ужасом. В следующее мгновение луна и стройные тополя могли наблюдать необычное зрелище: бегущего со всех ног пожилого английского дипломата, вдобавок что-то кричащего на бегу.

Его хриплые возгласы не остались без последствий — в окне кабинета рядом с балконной дверью появилось бледное лицо, заблестели стекла чьих-то очков. Это был доктор Симон, в конце концов разобравший, что именно выкрикивает высокородный англичанин. А кричал он вот что:

— Труп! Труп в траве! Окровавленный труп!

Об ирландце лорд Гэллоуэй наконец-то забыл.

— Надо немедленно известить Валантэна, — сказал доктор, когда посол сбивчиво описал то, что успел рассмотреть. — Нам повезло, что здесь сам начальник полиции.

Валантэн оказался легок на помине — услышав крики, он поспешил на место происшествия. Занятно было наблюдать, как изменилась его манера держаться: пришел он с видом заботливого хозяина, испугавшегося, что одному из гостей или слуг стало плохо; когда же ему рассказали о жуткой находке, он тотчас стал необыкновенно серьезен и даже деловит — как-никак, сие ужасное происшествие вернуло его к исполнению профессиональных обязанностей.

— Странно, господа, — произнес он, выходя со спутниками в сад, — я расследовал таинственные истории по всему свету, а тут одна из них происходит в моем собственном доме. Покажите, где найдено тело.

Они с трудом пересекли лужайку — с реки наплывала густая туманная дымка; однако с помощью дрожавшего, как банный лист, лорда им наконец удалось отыскать в высокой траве труп. Мертвец был рослым и плечистым мужчиной; лежал он лицом вниз, так что видны были лишь его черный костюм, массивная лысая голова, на которой сохранилось лишь несколько пучков темных волос, прилипших к коже, как влажные водоросли. Из-под обращенного к земле лица текла алая струйка крови.

— Что ж, — сказал Симон с особенно значительной, зловещей интонацией, — он, по крайней мере, не из числа гостей.

— Осмотрите его, доктор, — взволнованно воскликнул Валантэн, — быть может, он еще жив!

Врач склонился над телом.

— Еще не остыл, — сообщил он, — но боюсь, что надежды нет никакой — он мертвехонек. Помогите-ка мне его приподнять.

Совместными усилиями они подняли тело на несколько дюймов от земли, после чего произошло нечто ужасное, и все сомнения, мертв ли этот человек, развеялись: отделенная от тела голова осталась лежать на траве. Убийца, очевидно, перерезал жертве горло и нанес при этом столь сильный удар, что перерубил шею. Даже выдавший виды Валантэн был потрясен.

— Преступник, похоже, силен, как горилла, — пробормотал он себе под нос.

Доктор Симон, хотя и посещавший изредка морги, поднял голову с земли с некоторым трепетом. Шею опоясывал разрез, но лицо осталось неповрежденным. Оно было мясистым и желтым, со впалыми щеками и выступающими скулами, ястребиным носом и тяжелыми веками. Такие черты могли быть у погрязшего в пороках римского императора; неуловимое сходство проглядывало даже с императорами китайскими. Никто из присутствующих не знал этого человека, да и в ближайшее время ничего нового о нем выяснить не удалось — приподняв тело, они увидели лишь, что белая сорочка на груди запачкана кровью. Как и сказал доктор Симон, покойник оказался не из числа гостей, хотя его наряд и заставлял предположить, что он, быть может, намеревался к ним присоединиться — одет он был соответствующим образом.

Валантэн опустился на корточки и со всей тщательностью обследовал траву и почву в радиусе двадцати ярдов вокруг тела; начальнику полиции пытались помочь доктор и английский посол, хотя от первого проку было мало, а второй вообще скорее мешал, чем помогал работать. Усердие этой троицы не дало никаких результатов — найдено было лишь несколько веток, разрезанных или разрубленных на мелкие кусочки. Валантэн поднял их, осмотрел и снова бросил на землю.

— М-да, ветки, — угрюмо сказал он, — одни лишь ветки и какой-то неизвестный с отрубленной головой; ничего здесь больше нет.

Воцарилось напряженное молчание, и вдруг заметно нервничавший лорд Гэллоуэй вскрикнул:

— Кто это? Кто там у стены?

К ним приближалась неровным шагом маленькая человеческая фигурка с непропорционально большой головой; в серебристой дымке лунного света казалось, что это какое-то волшебное существо, нечто вроде гоблина. При ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось: это безобидный маленький священник, который до сих пор сидел в гостинице.

— Хочу вам напомнить, — просто сказал он, — что в этот сад нельзя попасть с улицы — здесь нет ни ворот, ни даже калитки.

Черные брови Валантэна, казалось, сошлись, когда он, по своему обыкновению, поморщился при виде сутаны. Но человек он был справедливый и потому отдал должное уместному замечанию священника.

— Вы совершенно правы, — заявил он. — Для того чтобы узнать причину убийства, нам, вероятно, придется выяснить, как этот человек здесь оказался. Согласитесь, господа, что мы должны по возможности уберечь моих гостей от ненужной огласки их имен. Среди них ведь уважаемые люди, несколько дам и к тому же вы, господин посол. Надеюсь, вы не поймете меня превратно и не будете считать, что я злоупотребляю своим положением. Когда факт преступления будет отмечен в полицейском рапорте, дело пойдет своим чередом, и тут уж ничего не поделаешь. Пока же этого не произошло, я могу действовать по своему усмотрению. Я занимаю пост начальника полиции и до такой степени нахожусь на виду, что могу себе позволить кое-что скрыть. Клянусь честью, я выясню все относительно поведения моих гостей, прежде чем вызову сюда моих подчи-

ненных и прикажу им искать убийцу где-то еще. Господа, вы должны дать мне обещание не покидать этот дом до завтрашнего утра. У меня для каждого найдется спальня. Мсье Симон, вы, по-моему, знаете, где комната Ивана, моего телохранителя, — он человек надежный. Идите туда и скажите ему, чтобы он попросил кого-нибудь из слуг посторожить у входной двери, а сам шел сюда. Лорд Гэллоуэй, вы, конечно, лучше других сумеете сообщить дамам, что произошло, и убедить их не впадать в панику. Они также должны остаться в доме. Мы с отцом Брауном побудем здесь, у тела.

Коль скоро в начальнике полиции взвырал боевой дух, прочим осталось лишь повиноваться. Доктор Симон отправился в комнату, на стенах которой было развешано оружие, и вызвал на место происшествия Ивана, частного детектива на службе у детектива, облеченного властью. Посол отправился в гостиную и, насколько мог тактично, довел до сведения дам ужасную новость; так что, когда общество наконец было в полном сборе, дрожавшие от страха представительницы прекрасного пола успели уже немного успокоиться. Тем временем священник и вольнодумец несли вахту у тела: один в головах, другой — в ногах. Их неподвижные, облитые лунным светом фигуры казались статуями, символизирующими два мировоззрения, два разных восприятия смерти.

Иван, доверенный помощник Валантэна, выскочил из дома, как ядро из пушки, и помчался по траве к начальнику полиции, подобно собаке, откликнувшейся на зов хозяина. Это был усатый мужчина; на лице его, отмеченном шрамом, читалось почти нездоровое оживление: видно было, что таинственное происшествие в его собственном доме пробудило в нем охотничий азарт. С почти неуместным рвением он попросил патрона разрешить ему осмотреть труп.

— Да, пожалуйста, Иван, раз уж вам так хочется, — ответил Валантэн. — Но не задерживайтесь — нам надо вернуться в дом и заняться делом.

Иван поднял отрубленную голову, затем выпустил ее из рук, и она упала на землю.

— Как же это... — сдавленно прошептал он. — Нет, не может быть... Вы знаете, кто это, мсье?

— Нет, — без всяких эмоций отозвался Валантэн. — Пошли-ка лучше в дом.

Вдвоем они втащили труп в кабинет, положили его на диван, затем направились в гостиную.

Начальник полиции спокойно подошел к письменному столу и сел; в его походке ощущалась какая-то нерешительность, но во взгляде, которым он обвел собравшихся, был холод стали; такой взгляд бывает у судьи на выездной сессии суда присяжных. Валантэн торопливо сделал какие-то пометки в лежавшем на столе блокноте, затем отрывисто спросил:

— Здесь все?

— Кроме мистера Блэйна, — ответила герцогиня Монт-Сент-Мишель, оглядев комнату.

— Нет и еще одного, — хрипло проговорил лорд Гэллоуэй. — Если не ошибаюсь, мистера Нейла О'Брайена. Я видел, как сей джентльмен прогуливался по саду, когда там лежал еще не остывший труп.

— Иван, поищите командора О'Брайена и мистера Блэйна, — распорядился начальник полиции. — Последний, кажется, докуривает сигару в столовой, а командор, вероятно, прогуливается по оранжерее. Впрочем, это только мои предположения.

Верный помощник Валантэна умчался, а его шеф тотчас же, не дав никому времени на размышления, продолжал все с той же неумолимой стремительностью:

— Всем, кто здесь присутствует, должно быть известно: в саду найдено тело человека с отрубленной головой. Доктор Симон, вы осматривали труп. Скажите, для того, чтобы нанести такой удар, нужна богатырская сила? Или все дело в том, что у убийцы был очень острый нож?

— Ножом, знаете ли, голову не отрежешь, — отозвался бледный доктор.

— Как по-вашему, чем это можно сделать? — спросил Валантэн.

— В наше время — не знаю, — промолвил доктор, подняв брови, отчего на лице его появилось скорбное выражение. — Шею не так-то легко перерубить даже несколькими ударами, а здесь шрам ровный. Если б дело было пару веков назад, я бы сказал, что удар нанесен двуручным мечом, алебардой или топором палача.

— Господи помилуй! — раздался почти истерический крик герцогини. — Да здесь же нет никаких двуручных мечей и алебард!

Валантэн все еще торопливо записывал что-то в блокнот.

— Скажите, — спросил он, не отвлекаясь от работы, — можно ли сделать это длинной французской кавалерийской саблей?

Тут вдруг раздался глухой стук в дверь, который почему-то заставил всех присутствующих похолодеть, словно это была сцена из шекспировского «Макбета». В молчании, воцарившемся после того, как у всех по коже пробежал холодок, слышались слова доктора:

— Саблей — да. На мой взгляд, ею можно нанести такой удар.

— Благодарю вас, — ответил Валантэн. — Иван, входите!

Дверь распахнулась, и охранник пропустил вперед командора О'Брайена, которого он в конце концов нашел в саду, — тот снова вышел на воздух и беспокойно мерил шагами лужайку.

Расстроенный ирландец остановился на пороге. Вид у него был вызывающий.

— Что вам от меня надо? — воскликнул он.

— Будьте любезны, сядьте, — спокойно и доброжелательно сказал Валантэн. — Гм, а сабля-то не при вас! Где же она?

— На столе в библиотеке, — ответил О'Брайен, и оттого, что он пребывал в смятении, акцент его стал отчетливее. — Такая незадача, представьте, вышло так, что...

— Иван, — распорядился начальник полиции, — сходите, пожалуйста, в библиотеку и принесите саблю командора. — Затем, когда охранник удалился, Валантэн продолжал: — Лорд Гэллоуэй говорит, вы ушли из сада незадолго до того, как он обнаружил труп. Что вы делали в саду?

О'Брайен устало опустился в кресло.

— О, просто-напросто глядел на луну! — воскликнул он на ирландском диалекте. — Общался с природой, дорогой мой!

Воцарилось гробовое молчание. Через какое-то время его прервал стук в дверь, такой же обыденный, но пугающий, как раньше.

Вошел Иван с пустыми ножнами в руках.

— Больше там ничего не было, — объявил он.

— Положите их на стол, — буркнул Валантэн, не отрывая взгляда от блокнота

Молчание висело, как дамоклов меч, занесенный над головой осужденного убийцы. Герцогиня давно уже подавила рвавшееся с уст восклицание, скрытая ненависть лорда Гэллоуэя к ирландцу была утолена и даже начала понемногу ослабевать. Поэтому раздавшийся в тишине голос прозвучал неожиданно.

— Кажется, я могу дать вам исчерпывающее объяснение! — воскликнула леди Маргарет звучным, хотя и слегка дрожащим голосом, каким обычно говорит, обращаясь сразу ко многим людям, женщина, даже самая решительная. — Могу сказать, что делал в саду мистер О'Брайен, раз уж он решил молчать. Он просил моей руки. Я отказала ему, пояснив, что обстоятельства, да и мнение моих родных, заставляют меня дать ему такой ответ, хотя не могут поколебать моего глубокого к нему уважения. Мои слова вызвали у него досаду: похоже, уважение — не то, чем он мог бы удовлетвориться. Думаю, оно и сейчас его мало волнует, — сказала она с еле заметной улыбкой, — хотя я не отказываю ему в этом и в настоящий момент. Могу поклясться, он не совершал ничего такого, о чем здесь недавно говорилось.

Лорд Гэллоуэй повернулся к дочери и, думая, что говорит вполголоса, начал ее страшить:

— Придержи язык, Мэгги, — произнес он чуть ли не оглушительным шепотом. — Зачем ты защищаешь этого молодца? Ты знаешь, где его сабля? Где вся его проклятая амуниция?..

Тут он остановился — дочь одарила его уничтожающим взглядом, словно магнит, привлечшим внимание собравшихся.

— Дурень ты старый! — сказала она низким голосом без всякого почтения к родителю. — Ты думаешь, что говоришь?! Я же только что заявила: этот человек невиновен, все это время он провел со мной. Но если он окажется виновным, от этого ничего не изменится — он все равно был со мною. Если он в это время убил человека, в чьем присутствии, по-твоему, он это сделал? Кто окажется свидетелем, если не соучастником преступления? Неужели ты ненавидишь Нейла до такой степени, что готов из-за этого погубить собственную дочь?..

Леди Гэллоуэй застонала. Всех присутствующих объял трепет — им виделись любовные драмы давно минувших лет; побледневшие лица шотландской аристократки и ее возлюбленного, ирландского искателя приключений, казались им старинными портретами в галерее какого-нибудь древнего замка. В объятой молчанием комнате витали призраки погубленных мужей и тайных любовников.

Зловещее молчание внезапно нарушил чей-то спокойный голос, задавший наивный вопрос:

— А сигара очень длинная?

Вопрос так не вязался с предшествовавшим диалогом, что все невольно стали оглядываться, пытаясь понять, кто же его задал.

— Я имею в виду сигару, которую курит мистер Блэйн, — продолжал отец Браун, устроившийся на стуле в углу комнаты. — Судя по тому, сколько это продолжается, она должна быть длинной, как трость.

Несмотря на подобное непрошеное вмешательство, на лице Валантэна отразилось не только раздражение, но и понимание.

— Вы правы! — воскликнул он, оторвав взгляд от блокнота — Иван, сходите еще раз, поищите мистера Блэйна. Как найдете, немедленно приведите сюда.

Когда дверь за охранником закрылась, Валантэн с озабоченным выражением на лице обратился к девушке:

— Леди Маргарет, у меня нет сомнений в том, что все здесь восхищаются тем, что вы не побоялись уронить себя в глазах общества и объяснить поведение командора О'Брайена. Но есть здесь и еще один неясный момент. Лорд Гэллоуэй, насколько я понял, встретил вас, когда вы шли из кабинета в гостиную. Это произошло всего через несколько минут после того, как он покинул сад, где оставался мистер О'Брайен.

— Не забывайте, я ведь ответила Нейду отказом, — с легкой иронией возразила леди Маргарет. — Так что вряд ли можно было ожидать, что мы вернемся рука об руку. Что ни говори, он поступил по-джентльменски — дал мне возможность вернуться первой. И тем самым навлек на себя обвинение в убийстве.

— За эти несколько минут он вполне мог... — мрачно заметил Валантэн, но закончить фразу ему не довелось.

Раздался стук в дверь, и в комнату заглянул Иван.

— Прошу прощения, мсье, но мистер Блэйн нас покинул, — доложил он.

— То есть как?! — вскочив, воскликнул Валантэн.

— Ушел. Исчез. Испарился, — ответил Иван, и французские слова в его устах прозвучали особенно забавно. — Его шляпа и пальто исчезли тоже. Кроме того, я обнаружил нечто удивительное. Когда я обежал вокруг дома в поисках следов мистера Блэйна, мне кое-что попало на глаза. Может, это и есть его «след».

— О чем вы говорите? — спросил Валантэн.

— Сейчас покажу, — отозвался охранник.

Снова выйдя в коридор, он почти сразу появился с обнаженной кавалерийской саблей, блеснувшей на свету. Конец и часть лезвия были в крови. Все

смотрели на нее с ужасом, как будто это была шаровая молния, летавшая по комнате. Иван тем временем более или менее спокойно продолжал;

— Вот что я нашел, когда продирался сквозь кустарник в пятидесяти ярдах от дома, у шоссе, ведущего из нашего предместья к центру города. Короче говоря, я нашел то, что бросил впопыхах мистер Блэйн, удирая отсюда.

Снова воцарилось молчание, хотя и не такое гнетущее. Валантэн взял саблю, осмотрел ее, на несколько минут погрузился в раздумье, затем повернулся к О'Брайену.

— Командор, — сказал он уважительно, — надеюсь, вы представите эту саблю в полицию, если возникнет надобность ее осмотреть. Пока же, — добавил он, убирая клинок в ножны, — позвольте вернуть вам ваше оружие.

Сцена была поистине символической, и присутствующие с трудом удержались от рукоплесканий.

Для О'Брайена этот момент стал поворотным в жизни. К тому времени, как он снова пошел прогуляться по сокровенному саду — на сей раз озаренный сиянием разгоравшегося утра, — трагическая маска как будто спала с его лица — у него появилось немало оснований чувствовать себя счастливым. Лорд Гэллоуэй, как джентльмен, принес ему извинения; леди Маргарет же была больше чем леди — она была женщиной и, очевидно, не удовольствовавшись извинениями, предложила ирландцу кое-что еще — по крайней мере, они до завтрака довольно долго гуляли среди цветов.

Общество в целом испустило вздох облегчения и настроилось на человеколюбивый лад. Хотя тайна загадочной смерти и не разъяснилась, подозрительность больше не лежала бременем на плечах гостей — казалось, ее увез в Париж этот странный миллионер, человек, которого они почти не знали. Дьявол был изгнан из дома, вернее, бежал сам.

Однако загадка пока разгадана не была, и, когда О'Брайен плюхнулся на скамейку рядом с доктором Симоном, сей ученый муж тотчас же об этом заговорил. Но ирландец был поглощен другими думами, вернее, приятными мечтаниями, потому и ответил доктору довольно кратко — и откровенно:

— Не могу сказать, что все это меня очень интересует. Тем более сейчас, когда почти все уже ясно. Наверное, Блэйн ненавидел этого незнакомца — уж не знаю почему. Он заманил его в сад и убил моей саблей; потом удрал в Париж, бросив оружие. Кстати, Иван сказал мне, что в кармане у мертвеца нашли американский доллар. Так что он янки, как и сам Блэйн, и это, по-моему, все объясняет. Не вижу тут ничего непонятного.

— В этом деле совершенно необъяснимы пять вещей, — спокойно сказал доктор. — Это как стены в пять рядов. Поймите меня правильно, я не сомневаюсь, что совершил убийство Блэйн — его бегство, на мой взгляд, это доказывает. Но все дело в том, как он это сделал. Прежде всего, неясно, почему убийство совершено огромной саблей — легче ведь сделать это ножом, а потом спрятать его в карман. Непонятно и другое: почему не было ни шума, ни криков? Неужели убитый спокойно смотрел, как кто-то приближается к нему, размахивая саблей, и даже не вскрикнул? Третья несообразность вот такая: у входной двери

весь вечер нес вахту охранник; мимо него и мышь не прошмыгнула бы, не только человек. Каким же образом тогда попал в сад убитый? И четвертая: учитывая то, о чем я только что сказал, каким образом выбрался из дома Блэйн?

— Вы назвали четыре несообразности, — сказал командор, глядя на медленно приближавшегося к ним по тропе маленького священника. — Скажите же, какая пятая.

— О, по сравнению с теми четырьмя это пустяк, — ответил доктор, — хотя и весьма странного свойства. Когда я впервые осмотрел тело, у меня создалось впечатление, что убийца нанес несколько ударов. При повторном же осмотре на шее оказалось множество зарубок. Другими словами, они появились, очевидно, после того, как голова была отсечена. Неужели мистер Блэйн так люто ненавидел своего врага, что рубил саблей безглавое тело?

— Жуть какая-то! — воскликнул ирландец и поежился.

Пока они говорили, патер Браун успел уже к ним подойти и теперь со свойственной ему застенчивостью дожидался паузы в разговоре.

— Простите, что вмешиваюсь, — проговорил он наконец как-то сбивчиво. — Меня просили сообщить вам новости.

— Какие новости? — уставился на него доктор из-за стекол своих очков.

— Дело в том, — кротко сказал отец Браун, — что произошло еще одно убийство.

Двое мужчин так резко вскочили, что скамейка аж подпрыгнула.

— Но самое странное, — продолжал маленький священник, уставив взгляд на кустики рододендрона, — что убийство это совершено так же, как и первое, — снова найдена отрубленная голова, на сей раз в реке, чуть дальше по парижскому шоссе. Из раны еще течет кровь, поэтому они думают, что...

— Господи помилуй! — вскричал ирландец. — Да что этот Блэйн, маньяк?!

— В некоторых слоях американского общества, знаете ли, принята вендетта, — бесстрастно отозвался патер Браун и добавил: — Вас обоих просят пройти в библиотеку и кое на что взглянуть.

Командор О'Брайен проследовал за доктором и священником в комнату, где проводилось дознание. Настроение у него испортилось. Как и все солдаты, он питал отвращение к тайным убийствам. Когда же кончатся эти жуткие усекования голов? Сначала одна, потом другая, с горечью думал он. И ведь в данном случае не скажешь, как в пословице: одна голова — хорошо, две — лучше. Войдя в библиотеку, ирландец вздрогнул при виде неожиданного зрелища: на столе начальника полиции лежала цветная картинка и на ней была изображена еще одна кровоточащая отрубленная голова — третья! И это была голова самого Валантэна! Офицер пригляделся — и увидел, что это всего лишь газета, орган партии националистов, называющийся «Гильотина». Каждую неделю лихие газетчики изображали на первой странице своего издания голову одного из политических противников с закатившимися глазами и искаженными чертами, как будто после казни. Валантэн, будучи воинствующим атеистом, не избежал подобной участи.

О'Брайен, как большинство ирландцев, при всех своих недостатках (или даже пороках) был по-детски простодушен, и подобное «интеллектуальное» глумление над соперником, на которое, кстати, способны лишь французы, вызвало у него глубокое отвращение. Он воспринимал Париж как единое целое — начиная с гротескного уродства химер собора Нотр-Дам и вплоть до непристойных карикатур в газетах. Он вспомнил злоеший комизм Французской революции. Город виделся ему сгустком сатанинской энергии — от кровавой картинки на столе Валантэна до фантастических чудищ на водосточных трубах готических зданий и злобной ухмылки огромного каменного дьявола, украшающего Нотр-Дам.

Библиотека была полутемной прямоугольной комнатой с низким потолком; свет пробивался сюда из-под опущенных штор; он имел слегка красноватый оттенок — солнце взошло совсем еще недавно. Валантэн и его помощник ожидали пришедших у дальнего конца стола — длинного, чуть наклонного. На столе лежали человеческие останки, при слабом освещении выглядевшие неестественно большими. Огромное черное туловище и желтое лицо покойника, найденного в саду, произвели на вошедших то же впечатление, что и вечером. Еще одна голова, которую обнаружили в реке среди камышей, лежала рядом; с нее капала вода, смешанная с кровью. Подручные Валантэна все еще искали безглавое тело второго покойника, надеясь выловить его в реке. Отец Браун, который не был так чувствителен, как командор, подошел к столу и стал внимательно осматривать голову второго покойника, по своему обыкновению, часто моргая. Волос на этой голове было немного, они топорщились мокрыми седыми космами и в бледно-розовом утреннем свете казались сребротканой бахромой. Лицо же — багровое, уродливое, с запечатлевшимися на нем следами страстей, быть может, преступных, — было все избито камнями или корнями деревьев, когда головою играл прибой.

— Доброе утро, командор О'Брайен, — спокойно и приветливо заговорил начальник полиции. — Ну что, слышали вы о том, как наш приятель Блэйн еще раз выступил в роли мясника?

Отец Браун, все еще склонившийся над седовласой головой, проговорил, не глядя на Валантэна:

— У вас, кажется, нет сомнений, что эту голову тоже отсек Блэйн?

— По всему выходит, что так, — ответил начальник полиции, засунув руки в карманы. — Убийство совершено так же, как предыдущее, тем же оружием, да и покойник обнаружен рядом.

— Да-да, я все понимаю, — кротко проговорил маленький священник. — И все же, представьте себе, сомневаюсь, что это второе убийство совершил Блэйн.

— Почему? — поинтересовался доктор Симон, пристально глядя на отца Брауна.

— Как по-вашему, доктор, — сказал тот, подняв голову и непроизвольно моргнув, — может ли человек сам себя обезглавить? Что-то я себе этого не представляю.

О'Брайену показалось, будто перед ним разорвалась бомба; доктор же вскочил, стремительно подошел к столу и отбросил с мертвого лица прядь седых волос.

— О, это Блэйн, ошибки быть не может, — спокойно сказал маленький священник. — У него точно такой шрам на левом ухе.

Валантэн стиснул зубы и уставил на отца Брауна пристальный взгляд своих блестящих глаз, затем недовольно заметил:

— Похоже, вы многое о нем знаете, отец Браун!

— Это действительно так, — просто ответил тот. — Мы много беседовали с ним в последние несколько недель. Он подумывал о том, чтобы присоединиться к нашей церкви.

Глаза Валантэна загорелись безумным огнем; он сжал кулаки и подступил к священнику.

— Так, может, он и деньги свои подумывал передать вашей церкви?! — спросил он со злобной усмешкой.

— Не исключено, — флегматично ответил отец Браун. — Даже вполне возможно.

— В таком случае вы действительно должны много о нем знать! О его жизни и...

Командор О'Брайен положил руку на плечо француза и веско проговорил:

— Перестаньте говорить гадости, Валантэн, иначе снова засверкают сабли!

Однако начальник полиции успел уже снова взять себя в руки.

— Что ж, — заявил он, — разглашать пока ничего не будем. Вы, господа, не забывайте о своем обещании не выходить из этого дома. Постарайтесь с этим смириться. Иван будет держать вас в курсе дела, я же должен вернуться к работе и написать отчет для префектуры. Откладывать это долее нельзя. Если захотите мне что-нибудь сообщить, я у себя в кабинете.

Начальник полиции вышел. Доктор Симон спросил его помощника:

— Удалось узнать что-нибудь еще?

— Только одну вещь, мсье, — ответил Иван, морща свое землисто-бледное стариковское лицо, — но, сдается мне, довольно любопытную. Этот старый хрыч, которого вы нашли в саду, — тут он без всякого пиетета к покойнику показал пальцем на массивное тело в черном костюме, — так вот, мы узнали-таки, кто он такой.

— Да ну! — воскликнул удивленный доктор. — И кто же?

— Имя его Арнольд Беккер, — ответил помощник Валантэна, — хотя прозвища он менял, как перчатки. Это был отъявленный мерзавец, он какое-то время жил в Америке; там-то Блэйн ему чем-то и досадил. Нам с Беккером возиться не пришлось — он обретался все больше в Германии. Мы, конечно, связались с немецкой полицией. Удивительнее всего, что у этого человека был брат-близнец, которого звали Луи — Луи Беккер. Вот он как раз довольно долго задавал нам жару. Наконец его приговорили к смерти и на вчерашний день назначили казнь. Скажу вам честно, господа, увидев, как голова этого типа покатилась в корзину, я подпрыгнул от радости. Если б я не присутствовал при казни, то го-

тов был бы поклясться, что перед нами труп Луи Беккера. Потом, конечно, я вспомнил о его брате-близнеце в Германии, и это помогло мне разобраться...

Иван оборвал свою многословную речь, поскольку заметил: его никто не слушает. О'Брайен и доктор устали на маленького священника, который вдруг вскочил и сжал ладонями виски, как человек, терзаемый внезапной острой болью.

— Хватит! Довольно! Остановитесь! — восклицал он. — Подождите минуту! Мне понятно пока не все! Дарует ли мне силы Всевышний? Позволит ли внезапное озарение моему разуму постигнуть все в целом? Боже, помоги мне! Раньше я неплохо умел соображать, мог пересказать любую главу, вспомнить любую страницу сочинений Фомы Аквинского. Расколется ли моя голова — или я пойму суть дела? Я понимаю пока лишь половину, все в целом же осмыслить не могу!

Он обхватил руками голову и стоял в напряженной позе, то ли мучительно размышляя, то ли творя молитву; прочим же оставалось лишь удивленно лицезреть сие последнее за этот безумный день удивительное происшествие.

Когда маленький священник наконец опустил руки, лицо его было по-детски серьезно, черты разгладились. Глубоко вздохнув, он сказал:

— Что ж, давайте подводить итоги. Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше. Мне пришло в голову, каким образом вам проще будет вникнуть в суть дела. — Он повернулся к врачу: — Доктор Симон, у вас отлично развито логическое мышление. Сегодня утром мне довелось слышать, как вы задали пять вопросов относительно несообразностей этой загадочной истории. Если вы любезно согласитесь их повторить, я на них отвечу.

Удивленный доктор недоверчиво покачал головой и чуть было не потерял пенсне; однако заговорил сразу:

— Итак, первый вопрос, если помните, таков: почему злоумышленник совершил убийство огромной саблей, хотя проще было воспользоваться ножом?

— Ножом человека нельзя обезглавить, — спокойно ответил отец Браун. — А для убийцы отрубить жертве голову было совершенно необходимо.

— Почему? — с интересом спросил О'Брайен.

— Теперь второй вопрос, — не ответив ирландцу, сказал священник.

— Отчего убитый не кричал, не издал даже никакого возгласа? — продолжал доктор. — Ведь появление в саду человека с обнаженной саблей — событие довольно необычное, оно должно было напугать жертву.

— Помните веточки на траве? — мрачно спросил отец Браун и повернулся к окну, из которого открывался вид на лужайку, где произошло убийство — Никто не обратил на них никакого внимания. А они ведь лежали посреди лужайки, очень далеко от деревьев. Почему? К тому же, если присмотреться к ним, видно, что они были не разломаны на мелкие кусочки, а нарублены. Убийца отвлек внимание спутника, показывая какие-то фокусы с саблей, должно быть, демонстрируя, как можно перерубить ветку на лету; когда же тот нагнулся, чтобы оценить результат, достаточно было одного сильного удара саблей — и голова оказалась отсечена.

— М-да, — медленно проговорил доктор. — Это похоже на правду. Но следующие два вопроса поставят в тупик кого угодно.

Отец Браун молча стоял у окна и глядел на лужайку.

— Вам известно, что сад обнесен глухой стеной, а вход в дом находится под контролем охранника, — снова заговорил доктор. — Так что сад отгорожен от внешнего мира, словно вакуумная камера. Как же туда попал посторонний, встретивший там смерть?

Не поворачиваясь, маленький священник отозвался:

— В саду не было никаких посторонних.

Воцарилось молчание, затем атмосферу разрядил странный, кудахчущий, какой-то детский смех Ивана — он посчитал последнюю реплику нелепой и не удержался от издевки.

— А-а! — воскликнул он. — Так значит, мы не волочили вчера этот огромный тяжеленный труп, не укладывали его на кушетку?! Этого человека, по-вашему, не было в саду?

— Не было в саду? — машинально повторил отец Браун. — Да нет, он там был, но не весь.

— Дьявольщина! — вскричал доктор Симон. — Человек либо находится в саду, либо его там нет.

— Не обязательно, — отозвался маленький священник, и улыбка скользнула по его устам. — Ваш следующий вопрос, доктор.

— По-моему, вы не в себе, — с сердцем воскликнул доктор. — Но если вы так настаиваете, вопрос я задам. Каким образом Блэйн вышел из сада?

— Он оттуда не выходил, — ответил Браун, все еще глядя в окно.

— Не выходил?! — взревел доктор.

— Впрочем, можно сказать, что вышел, но не весь.

Симон, чья чисто французская логика мышления не выдержала последнего тезиса, потряс кулаками в воздухе:

— Человек либо выходит из сада, либо не выходит!

— Не всегда, — откликнулся священник.

Доктор нетерпеливо вскочил.

— Не желаю тратить время на пустую болтовню, — яростно воскликнул он. — Если вы не понимаете, что человек может находиться либо по одну сторону стены, либо по другую, мне не о чем больше с вами говорить.

— Доктор, — мягко произнес патер Браун, — мы с вами всегда неплохо ладили. Будьте добры, не уходите и задайте пятый вопрос. Хотя бы во имя нашей старой дружбы.

Импульсивный доктор бросился в кресло у самой двери и сказал:

— На голове и шее жертвы видны какие-то странные рубцы. Похоже, нанесенные после того, как голова была отсечена

— Верно, — проговорил маленький священник, не меняя позы. — Это сделано для того, чтобы вас обмануло то, что в конечном счете вас и обмануло. Чтобы вы уверились в том, что голова и тело раньше составляли единое целое.

Пограничье разума, где рождаются чудовища, неотвратимо затопляло темную кельтскую душу О'Брайена. Ему представлялся безумный хоровод кентавров, русалок, всех сказочных монстров, которых когда-либо порождало неисчерпаемое человеческое воображение. Голос праотцев звучал в его ушах: «Избегай проклятого сада, где деревья рожают двуликие плоды. Отринь сад зла, где встретил смерть человек с двумя головами». И все же, пока происходило это прискорбное мелькание призраков в древнем затуманенном зеркале ирландской души, офранцузившийся ум О'Брайена был начеку — командор взирал на странного маленького человечка так же пристально и недоверчиво, как и остальные.

Отец Браун наконец отвернулся от окна; лицо его оказалось в густой тени, но, несмотря на это, все присутствующие заметили: оно бледно, как пепел. Вот он заговорил, и слова его, вопреки всему, звучали взвешенно, словно не было на свете впечатлительных кельтских душ.

— Господа, — сказал он, — хочу заявить: мы с вами вовсе не обнаружили в саду труп незнакомого человека — Беккера. Это вообще не тело неизвестного. Перед лицом трезвомыслящего доктора Симона я все же утверждаю: Беккер в саду был не весь. Взгляните-ка сюда, — сказал маленький священник, указывая на огромное мертвое тело в черном фраке. — Этого человека вы никогда в жизни не видели, так? Ну, а этого вы видели?

Маленький священник быстро откатил голову незнакомца с желтоватой лысиной и приставил к туловищу седую взлохмаченную голову, лежавшую неподалеку.

Перед собравшимися, без всякого сомнения, лежало составлявшее некогда единое целое тело миллионера Джулиуса К. Блэйна.

— Убийца отрубил ему голову, — спокойно продолжал отец Браун, — и перебросил саблю через стену. Но он был человеком очень умным, и потому вслед за саблей последовало и еще кое-что. А именно, голова жертвы. Убийце осталось лишь приставить к туловищу другую голову — и готово! — вы решили, что перед вами труп незнакомого человека.

— Приставить другую голову! — воскликнул О'Брайен, вытаращив глаза — Какую голову? Можно подумать, головы растут на деревьях!

— Нет, — хрипло ответил маленький священник, разглядывая свои ботинки, — на деревьях они не растут, но я могу назвать место, где они имеются в изобилии. Это корзина у гильотины, около которой мсье Аристид Валантэн, начальник полиции, стоял всего за час до убийства. Подождите, друзья мои, послушайте меня еще одну минуту, прежде чем разорвать на клочки. Валантэн — человек честный, если это понятие применимо к тому, кто страдает мономанией. Неужели вы не замечали в его холодных серых глазах искру безумия? А помешался он вот на чем: ему не терпелось сделать все, да-да, все, чтобы избавить мир от того, что он называл «зловещей тенью креста». За это он боролся, не боясь лишений и голода, ради этого он убил. До недавнего времени шальные миллионы Блэйна распределялись между столь многими сектами, что не могли изменить положения вещей. Однако до Валантэна дошел слух, что Блэйн, как и

многие легкомысленные скептики, склоняется к католической вере, а это уже совсем другое дело. Деньги Блэйна влили бы свежие соки в жилы обнищавшей, но не утратившей боевого задора французской церкви. Миллионер поддержал бы, в частности, шесть газет французских националистов, таких как «Гильотина». Судьба сражения висела на волоске, и этот фанатик вознамерился собственноручно решить исход дела. Перед ним стояла задача устранить Блэйна, и справился он с ней мастерски. Если б величайшему в мире детективу надо было совершить убийство, он бы обставил все именно так. Забрав отрубленную голову Луи Беккера якобы на криминологическую экспертизу, он спрятал ее в чемоданчик и унес домой. Оставшись с глазу на глаз с миллионером в гостиной, хозяин дома затеял с ним какой-то спор — лорд Гэллоуэй к тому времени уже покинул комнату и не мог слышать их разговора. Затем Валантэн вывел гостя в сад, завел разговор о холодном оружии, продемонстрировал, как можно саблей разрубить ветку в воздухе, и когда тот нагнулся...

Тут разъяренный Иван вскочил и завизжал:

— Да вы спятили! Я сейчас отведу вас к хозяину, даже силком потащу, если понадобится!

— А я как раз к нему и собираюсь, — сурово проговорил священник. — Мой долг — спросить его, не хочет ли он облегчить душу покаянием.

Все присутствующие нестройными рядами ринулись в кабинет Валантэна. Отец Браун оказался впереди — словно заложник или обреченная на заклятие жертва.

Кабинет встретил их гробовой тишиной. Великий детектив сидел за письменным столом, очевидно, слишком поглощенный делом, чтобы хоть как-то прореагировать на неожиданное и сумбурное вторжение гостей. Они выждали несколько мгновений, затем доктор, уловив нечто подозрительное в слишком прямой линии спины сидящего, метнулся к столу.

Прежде всего ему бросилась в глаза маленькая коробочка с пилюлями возле локтя Валантэна. Доктор взглянул на хозяина дома, коснулся его руки — и понял: этот человек мертв. На лице самоубийцы, взиравшего на мир невидящими глазами, запечатлелась гордость, превосходящая гордость Катона¹.

¹ Катон Марк Утический (95 — 46 до н. э.) — римский патриций, стоик, соперник Юлия Цезаря; потерпел поражение от последнего в битве при Тапсе, после чего покончил с собой, бросившись на меч.

МАШИНА ОШИБАЕТСЯ

(Из сборника «Мудрость отца Брауна», 1914)

Фламбо и его друг, маленький священник, в предзакатный час сидели на садовой скамейке в Темпл-гарденс. Подействовала ли на них окружающая обстановка или какие-то другие, случайные флюиды, неизвестно, но только разговор этих двоих зашел о правосудии. Признав, что перекрестный допрос обвиняемого адвокатом и прокурором заключает в себе элемент случайности, они заговорили о пытках, вспомнили Древний Рим и средневековье, истязания по приговору французского магистрата и американский допрос третьей степени.

— Мне доводилось читать о пресловутой психометрии, то есть о детекторе лжи, — сказал Фламбо. — В последнее время по этому поводу подняли много шума, особенно за океаном. Вы, наверное, знаете, что я имею в виду: испытуемому надевают на запястье манжетку пульсомера, затем произносят вслух самые разные слова и ждут, не станет ли его сердце биться чаще после некоторых из этих слов. Что вы думаете об этом методе?

— На мой взгляд, он весьма занятен, — отозвался отец Браун. — Кстати, наш разговор напомнил мне одну интересную идею, возникшую в глубокой древности: в те времена верили, что, если убийца коснется тела жертвы, из ран хлынет кровь.

— Неужели вы хотите сказать, что считаете оба этих метода равноценными?

— Один стоит другого, — ответил маленький священник. — В мертвом ли, в живом ли теле кровь все равно течет то быстрее, то медленнее, и причин тут много. Тайна сия велика есть, и, боюсь, мы никогда в нее не проникнем. Могу лишь сказать вам о себе: скорее кровь человеческая затопит альпийский пик Маттерхорн, чем я решусь ее пролить.

— Но ведь американский метод превозносят крупнейшие заокеанские ученые! — не отставал Фламбо.

— Наивные они люди, эти ученые! — воскликнул отец Браун. — А самые наивные из них — именно американцы. Кому еще, кроме янки, могло прийти в голову судить о чем бы то ни было по частоте сердечных сокращений? Да эти ваши ученые не менее наивны, чем самонадеянный мужчина, полагающий, что если женщина краснеет в его присутствии, то, значит, любит его. Кстати, вот вам еще один тест, основанный на законах кровообращения, открытых великим Гарвеем. Такой же дурацкий, как и первые два.

— Но вы должны признать, — настаивал Фламбо, — что психометрия дает определенный результат: она прямо указывает, правду говорит человек или нет.

— А что хорошего в том, что она «прямо указывает»? — спросил отец Браун. — Что это, в сущности, значит? Когда один конец указки на что-то нацелен, другой в это время показывает в совершенно ином направлении. Все зависит от того, сумеете ли вы взять указку за нужный конец. Один раз я уже попал в такое положение и с тех пор не верю в пользу подобных методов.

И маленький священник приступил к рассказу о том, как его постигло разочарование.

История эта случилась лет двадцать назад, когда он служил капелланом в чикагской тюрьме, где томилось множество его единоверцев. Люди эти были одинаково способны на злодеяние и на раскаяние, так что работы у него было немало. Шерифом округа губернатор сделал бывшего сыщика по имени Грейвуд Ашер, бледного, молчаливого, склонного к философствованию янки, на лице которого обычное для него суровое выражение порой сменялось странной смущенной улыбкой. Отца Брауна этот человек любил и относился к нему немного покровительственно. Маленький священник платил ему такой же симпатией, хотя терпеть не мог его теорий, по сути весьма сложных, хотя и излагаемых достаточно просто.

Как-то вечером Ашер послал за капелланом. Тот, по своему обыкновению, молча сел у стола, заваленного бумагами, и стал ждать. Шериф извлек из кипы бумаг газетную вырезку и протянул ее Брауну. Тот внимательно прочел текст. Это был напечатанный на розовом фоне столбец светской хроники из одной американской газеты. В заметке говорилось:

Самый блистательный из светских вдовцов снова появился в обществе, на этот раз — на «Обеде чудаков». Всем нашим именитым гражданам должен вспомниться другой обед, названный «Парадом детских колясок», на котором мистер Тодд, по прозвищу Очередной Фортель, в роскошном своем особняке посреди поместья «Пруд пилигрима» дал возможность очаровательным дебютанткам этого сезона казаться даже моложе своих лет. Не менее радушным, нетривиальным и изысканным был и прошлогодний прием в особняке Тодда, получивший название «Завтрак каннибалов», на котором сласти по форме напоминали человеческие руки и ноги, а один из остроумнейших гостей вслух высказал желание съесть своего собеседника. Дух непринужденного юмора будет царить и на новом приеме, ибо он свойствен сдержанной манере поведения мистера Тодда, а может быть, таится и под сверкающими бриллиантами в булавках на галстуках самых высокопоставленных весельчаков нашего города. Говорят, на приеме будут пародировать манеру поведения и разговоры горожан, находящихся на противоположном полюсе социального спектра. Пародия обещает быть весьма выразительной — ведь перед гостеприимным мистером Тоддом стоит задача потешить не кого иного, как лорда Бекасла, знаменитого путешественника и чистокровного аристократа, чье родовое гнездо находится в самом сердце английских дубрав. Путешествовать лорд начал раньше, чем ему вернули полагающийся по праву рождения титул. В нашем отечестве он уже

однажды побывал — в молодые годы, — и молва утверждает, что вернулся он к нам не без причины. С именем лорда связывают имя мисс Этты Тодд, одной из самых прекрасных и великодушных обительниц Нью-Йорка, наследницы состояния, оцениваемого почти в сто миллионов долларов.

— Ну как, — спросил Ашер, — интересно?

— Даже говорить об этом не хочется, — отозвался отец Браун. — Трудно придумать что-нибудь менее интересное для меня, чем эта заметка. Не понимаю, зачем вы ее вырезали. Если только не собираетесь, конечно, сажать на электрический стул борзописцев, подобных ее автору.

— Гм-м, — недовольно хмыкнул мистер Ашер и положил поверх статьи еще одну газетную вырезку. — Ну, а это вас заинтересует?

Заметка была озаглавлена «Зверское убийство охранника. Злодей на свободе».

Сегодня утром, на рассвете, в каторжной тюрьме в местечке Секва, штат Нью-Йорк, раздался крик о помощи. Охранники, подоспевшие к месту происшествия, обнаружили труп часового, дежурившего на вершине ограждающей тюрьму широкой стены. Северная часть стены — самая высокая, и этот участок считался самым труднопреодолимым для тех, кто мог бы задумать побег, поэтому здесь дежурил всего один охранник. Как раз его-то и сбросили со стены; он упал головой вниз, и мозги его брызнули во все стороны, словно их вышибли дубиной. Ружье охранника было похищено. На утренней поверке обнаружилось, что одного арестанта недостает. Пустую камеру занимал некий угрюмый головорез, назвавшийся в свое время Оскаром Райаном. Ему дали небольшой срок за самое обычное для этих мест разбойное нападение, но он произвел на всех впечатление человека с жутким прошлым и совершенно непредсказуемым будущим. Когда забрезжил дневной свет, на стене над самым телом убитого обнаружили довольно невнятное послание, нацарапанное, очевидно, смоченным в крови пальцем: «Это самозащита — у него было ружье. Не желаю зла ни ему, ни другим, кроме одного человека. Когда попаду в «Пруд пилигрима», пуля у меня найдется. О. Р.» Чтобы штурмовать такую стену, охраняемую к тому же вооруженным часовым, нужно быть отчаянным человеком или, на худой конец, иметь сообщников.

— Ну, что касается литературного стиля, эта заметка написана лучше, — усмехнулся маленький священник, — но все же не понимаю, чем тут смогу помочь я. Боюсь, если я пушусь вдогонку за этим атлетом-убийцей на своих коротеньких ножках, то буду являть собою жалкое зрелище. Да и вообще, сомневаюсь, что кому-нибудь удастся отыскать этого человека. Насколько я знаю, отсюда до каторжной тюрьмы в Секве тридцать миль по безлюдной пересеченной местности, да и вокруг дикие прерии. Этот человек может прятаться в любой яме, на каждом дереве.

— Он не в яме и не на дереве, — сказал шериф.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался отец Браун, моргая.

— Хотите с ним поговорить? — спросил Ашер.

Маленький священник широко раскрыл свои наивные глаза:

— Да неужто он здесь? Как же ваши люди до него добрались?

— Добрался до него я сам, — медленно проговорил американец, вытягивая длинные ноги к камину. — Подцепил крючком моей трости. Да-да, не удивляйтесь, именно так. Знаете, у меня есть обыкновение бродить вечерами на природе, подальше от этих мрачных мест. Так вот, сегодня вечером я поднялся в гору по аллее, с обеих сторон которой за живой изгородью были вспаханные поля. Луна освещала дорожку серебристым светом. И вот вижу: прямо по полю к аллее бежит человек. Пригнувшись бежит и с хорошей скоростью, как легкоатлет, специализирующийся в беге с препятствиями. Мне показалось, что он уже выдохся, однако, приблизившись к дорожке, он с ходу проскочил сквозь редкую изгородь, как сквозь паутину, или, вернее, как будто сам он был сделан из камня — я ведь ясно слышал треск ломающихся веток. Чуть только его силуэт показался на фоне луны на аллее, я бросил трость ему под ноги. Он споткнулся и упал. Я же достал свисток и во всю мочь засвистел. Тут подоспели наши ребята и скрутили этого типа.

— М-да, вот была бы история, если б оказалось, что это действительно какой-нибудь известный спортсмен, — заметил отец Браун.

— Никакой он не спортсмен, — мрачно пробурчал Ашер. — Мы вскоре узнали, что это за птица, хотя я все понял, как только его осветила луна.

— Вы решили, что это беглый каторжник, поскольку утром того самого дня прочли в газете о его побеге, — спокойно сказал священник.

— Ну, нет, у меня были более веские причины так думать, — холодно ответил шериф. — Отбросим даже самое простое: профессиональный спортсмен не стал бы бежать по вспаханному полю и продирается сквозь живую изгородь, рискуя выколоть себе глаза. Не стал бы он и пригибать голову, как побитый пес. Но были и еще кое-какие детали, не укрывшиеся от моего наметанного глаза. Одежда на этом человеке была ветхая и местами рваная, более того, он выглядел в ней на редкость уродливо. Когда его силуэт появился на фоне луны, огромный стоячий воротник показался мне горбом, а свободно свисающие длинные рукава создавали впечатление, что у этого человека нет рук. Мне пришло в голову, что ему каким-то образом удалось сменить тюремную робу на гражданскую одежду, вернее, на лохмотья, которые он кое-как на себя напялил. К тому же в лицо ему дул сильный ветер, но разметавшихся по ветру волос я, как ни старался, так и не заметил — значит, они было очень коротко острижены. Потом я вспомнил, что как раз за этим вспаханным полем располагается «Пруд пилигрима», в хозяина которого этот каторжник, как вы, должно быть, помните, собирался всадить пулю. И тогда я бросил ему под ноги мою трость.

— Блестящий образчик искусства моментально делать умозаключения, — отозвался отец Браун. — Однако скажите, было ли у него ружье?

Ашер, меривший шагами комнату, резко остановился, и священник добавил извиняющимся тоном:

— Боюсь, что без ружья всадить в кого-то пулю затруднительно.

— Нет, ружья у него не было, — хмуро ответил ему собеседник, — но, очевидно, только по случайности или потому, что его планы изменились. Должно быть, он решил, что переодеться мало, надо еще избавиться от оружия. Скорее всего, он не раз вспоминал об окровавленной куртке охранника, оставшейся под стеною.

— Похоже, что так, — откликнулся отец Браун.

— Однако нам вряд ли стоит все это обсуждать, — заявил, Ашер. — Теперь уже точно известно, что это тот самый человек.

— Как вы это узнали? — тихо прозвучал вопрос священника.

И тогда Грейвуд Ашер скинул со стола газеты и снова положил на него все те же вырезки.

— Ну, раз уж вы так дотошно вникаете во все мелочи, давайте начнем с начала. Если вы еще раз пробежите глазами эти две заметки, то обнаружите: их объединяет лишь одна вещь, а именно, упоминание поместья миллионера Айртона Тодда, которое, как вы знаете, называется «Пруд пилигрима». Вам также должно быть известно, что хозяин этого имени — человек в высшей степени необычный, один из тех, возвышению которых послужили...

— Загубленные души его ближних, — закончил за него отец Браун. — Да, мне это известно. Кажется, он нажил состояние на торговле бензином.

— Во всяком случае, — отозвался шериф, — пресловутый Тодд Очередной Фортель играет важную роль в этой загадочной истории.

Он снова уселся в кресло, протянул ноги к камину и продолжил свой рассказ — столь же эмоционально, но не упуская ни малейших подробностей.

— На первый взгляд в деле этом теперь не осталось ничего таинственного. В том, что каторжник собирается явиться с ружьем в «Пруд пилигрима», нет ничего необъяснимого или даже странного. Мы, американцы, не похожи на англичан, готовых простить толстосума, если он не жалеет денег на больницы или на скаковых лошадей. Своей карьерой Тодд обязан самому себе, своим незаурядным способностям. Не сомневаюсь, что многие из тех, кому он эти способности продемонстрировал, жаждут продемонстрировать ему свои — по части искусства обращения с ружьем. Тодда вполне мог бы подстрелить человек, о котором он даже никогда не слышал, — какой-нибудь рабочий, уволенный им в числе других, или клерк фирмы, которая по милости Тодда обанкротилась. Очередной Фортель — человек с незаурядными умственными способностями и сильным характером, но в нашей стране взаимоотношения тружеников и работодателей очень напряженные.

Таким образом, складывается впечатление, что этот Райан направлялся в «Пруд пилигрима», чтобы покончить с Тоддом. Так мне казалось до того момента, когда развитие событий заставило меня вспомнить, что я не только шериф, но и детектив. Когда пленника увели в тюрьму, я поднял свою трость и пошел дальше. Извилистая аллея в конце концов привела меня к одной из боковых калиток в ограде вокруг владений Тодда. Калитка эта — ближайшая к пруду, или озерцу, в честь которого, собственно, и названо поместье. Все это

происходило часа два назад. Было около семи вечера, лунный свет стал ярче и высветил длинные белые полосы на таинственной черноте водоема, окаймленного сизыми илистыми берегами. Говорят, наши предки заставляли ходить по этому илу женщин, подозревавшихся в колдовстве, пока те не тонули. Я не помню, что еще говорили об этом месте — вы, наверное, представляете себе, где оно расположено. Если взять за ориентир особняк Тодда, к водоему надо идти на север, в сторону пустоши, которая начинается сразу за ним. Там еще растут два странных приземистых дерева, похожих на огромные грибы. Так вот, я стоял, замороженный мистическим видом этого пруда, когда мне вдруг померещилось: от дома к пруду кто-то идет. Однако то, что казалось мне человеческой фигурой, было настолько скрыто туманом да и так далеко от меня, что я не только не мог присмотреться внимательнее, но даже засомневался, не привиделось ли мне это. К тому же мое внимание было отвлечено событиями, происходившими гораздо ближе ко мне. Я притаился за оградой, которая тянулась от этого места до одного из флигелей огромного особняка. По счастью, в ней кое-где были дыры, как будто специально для того, чтобы мне удобнее было наблюдать за тем, что происходит по ту ее сторону. На темном фасаде флигеля вдруг мелькнул свет — открылась дверь, и в проеме показался темный силуэт. Человек, то ли укутавший голову платком, то ли накинувший капюшон, пристально вглядывался во тьму, при этом даже чуть нагнувшись вперед. Затем дверь закрылась, и по садовой дорожке стала перемещаться чья-то тень, перед которой двигалось желтое пятно света — очевидно, от фонаря. Я разглядел, что фигура женская. Незнакомка с фонарем закуталась в обтрепанный плащ и, должно быть, хотела остаться незамеченной. Все это было очень странно — и принятые ею меры предосторожности, и ее ветхая одежда, очертания которой вырисовывались в теплых желтых лучах света. Женщина осторожно свернула на извилистую садовую тропинку и вскоре оказалась от меня всего лишь в полусотне ярдов; затем она на мгновение остановилась у торфяной террасы, обращенной к илистому берегу пруда. Подняв фонарь над головой, она трижды повела им из стороны в сторону, очевидно, подавая кому-то сигнал. В этот момент фонарь осветил ее лицо. Оно было мне знакомо. Несмотря на неестественную бледность женщины и повязанную вокруг головы дешевую шаль, без сомнения, позаимствованную у кого-то из слуг, я узнал мисс Этту Тодд, дочь миллионера.

Подав сигнал, она сразу же пошла обратно, так же стараясь не привлекать к себе внимания, и вскоре дверь за нею закрылась. Я хотел было перелезть через ограду и последовать за мисс Тодд, когда мне вдруг пришло в голову, что детективный раж, подбивавший меня на подобную авантюру, чуть не заставил меня совершить недостойный поступок, к тому же совершенно ненужный — ведь у меня и так были все козыри на руках. Но только я собрался повернуть назад, как ночную тишину вдруг нарушил новый звук. В одном из верхних этажей распахнулось окно — оно было, очевидно, за углом, потому что я ничего не увидел, — и кто-то громовым голосом осведомился, куда подевался лорд Бекасл и почему его нет ни в одной из комнат. Голос этот, отчетливо выговаривавший слова и затопивший весь сад своими раскатами, я узнал сразу — слишком часто

я слышал его на избирательных митингах и совещаниях воротил нашего бизнеса. Это был голос самого Айртона Тодда. Кто-то из обитателей дома, должно быть, подошел к окну или вышел в сад, после чего крикнул хозяину дома, что лорд час назад отправился на прогулку в направлении пруда и с тех пор его не видели. Тодд взревел: «Да его же убили!» — и с силой закрыл окно. Послышался топот ног по лестнице — хозяин дома, по всей вероятности, спускался вниз. Решив все-таки избрать прежний и, прямо скажем, разумный план действий, я постарался, чтобы меня не заметили при начинавшемся прочесывании местности, в результате чего благополучно улизнул и около восьми часов был уже здесь.

Теперь, прошу вас, вспомните ту маленькую заметку о нравах нашего высшего общества, которая показалась вам совершенно неинтересной. Если ка-торжник не собирался разделаться с Тоддом — а он, судя по всему, действительно изменил свои намерения, — то разумно было бы предположить, что он избрал жертвой лорда Бекасла Похоже, он намеревался расквитаться со всеми, кто ему не по нраву. Трудно найти более подходящее место для убийства, чем берега этого зловещего пруда, где ил быстро засосет тело жертвы и оно бесследно исчезнет. Таким образом, рискнем предположить, что наш коротко остриженный приятель явился к пруду, чтобы убить лорда Бекасла, а вовсе не Тодда. Хочу еще раз обратить ваше внимание вот на что: у многих людей в нашей стране есть причины разделаться с Тоддом, однако зачем американцу убивать английского лорда, лишь недавно прибывшего в нашу страну? Может быть, дело в том, что лорд этот, как было сказано в заметке, ухаживает за дочерью Тодда? Наш коротко остриженный приятель, хотя он и разгуливает в лохмотьях, — скорее всего страстный воздыхатель этой девицы.

Понимаю, это мое утверждение покажется вам нелепым, даже сметным, но это лишь потому, что вы англичанин. Мои слова для вас сравнимы лишь с утверждением, что дочь архиепископа Кентерберийского венчается в церкви святого Георгия на Ганновер-сквер с бывшим дворником, досрочно освобожденным из заключения. Не способны вы отдать должное неумной энергии и жизненной силе наших замечательных соотечественников. Когда вы видите благообразного седого американца в смокинге, пользующегося большим влиянием в обществе и занимающего в нем видное положение, вам сразу приходит в голову, что он из родовитого семейства. А вот и нет! Вам трудно себе представить, что каких-нибудь два года назад вы могли бы обнаружить его в дешевых меблированных комнатах, а то и в тюрьме. Упускаете вы из виду нашу национальную черту — способность держаться на плаву, а при удобном случае выбираться на берег успеха. Многие из наиболее влиятельных наших граждан возвысились совсем недавно, причем в довольно немолодом возрасте. Дочери Тодда было уже восемнадцать, когда ее отец впервые загреб много денег. Так что не удивлюсь, если ее поклонником окажется человек из низов и она будет верна ему по-прежнему, что следует из эпизода с фонарем. Мне кажется, женщина с фонарем и мужчина с ружьем должны быть сообщниками. История эта, без сомнения, наделает много шума.

— Ну, и что же вы предприняли дальше? — спокойно спросил священник.

— Думаю, вас это шокирует, — отозвался Грейвуд Ашер. — Насколько я понимаю, вы не одобряете научный прогресс в некоторых областях человеческой деятельности. Мне была предоставлена полная свобода выбора, и я совершил довольно смелый поступок. Мне показалось, что данный случай как раз из тех, когда есть смысл применить детектор лжи. Я вам рассказывал, что это за штукавина Теперь я убежден: эта машина не лжет!

— Машина и не может лгать, — заметил отец Браун. — Но и говорить правду не может тоже.

— Ну, в нашем случае она таки сказала правду, — уверенно продолжал шериф. — Я усадил этого человека в удобное кресло, надел ему на запястье манжетку и стал писать мелом слова на грифельной доске; машина регистрировала частоту его пульса, я же наблюдал за его реакцией на разные слова. Весь фокус в том, что в беспорядочной их чередке некоторые слова в большей или меньшей степени связаны с преступлением, которое, возможно, совершил подозреваемый, причем попадаться они должны неожиданно. Ну вот я и написал сначала «цапля», потом «орел», затем «сокол»; когда же я начал писать слово «бекас», этот человек очень занервничал, а когда я вывел на конце слова букву «л», стрелку прибора зашкалило. У кого еще в Штатах найдется причина подскочить на стуле, прочтя фамилию только что прибывшего на наш континент англичанина, кроме человека, который его убил? Разве можно сравнить невнятное бормотание свидетелей с таким неопровержимым доказательством, как показания абсолютно надежного аппарата?

— Все почему-то забывают, — заметил маленький священник, — что надежным аппаратом всякий раз управляет аппарат ненадежный.

— То есть как? Что вы имеете в виду? — удивился шериф.

— Я имею в виду человека — самый ненадежный из всех известных мне аппаратов. Я не хочу быть невежливым и надеюсь, что вы не примете мои слова на свой счет. Я хочу сказать вот что: по вашим словам, вы наблюдали за поведением этого человека, но кто даст гарантию, что вы все сделали правильно? Вы говорите, подбор слов был естественным, но откуда вы знаете, что вели себя во время испытания должным образом? Если уж на то пошло, можете ли вы быть уверены, что он сам в это время не наблюдал за вами? Кто подтвердит, что вы не были в это время взволнованы? На вашем запястье ведь не было манжетки!

— Говорю вам, я был невозмутим, как пень! — вскричал взбудораженный американец.

— Преступник порою тоже бывает невозмутим, как пень, — усмехнулся отец Браун, — а иногда даже — как шериф!

— Ну, уж этот спокоен не был, — заявил Ашер и швырнул на стол бумаги, которые держал в руках. — Ох, утомили вы меня!

— Прошу прощения, — отозвался маленький священник. — Я только указал вам на очевидную возможность ошибки. Если вы сумели по его поведению выделить слово, которое может привести его на виселицу, то почему бы ему по вашему поведению не догадаться: вот оно, роковое слово! На вашем месте я бы

основывался на чем-нибудь более существенном, чем слова, когда решается вопрос о жизни и смерти.

Ашер грохнул кулаком по столу и вскочил с торжествующим видом.

— Ну, так я и выдам вам сейчас нечто более существенное, — воскликнул он. — Я потом проверял машину на других людях и могу сказать с полной уверенностью, сэр, что она не ошибается.

Он сделал небольшую паузу и затем продолжал уже с меньшим пылом:

— Хочу особо подчеркнуть, что до сих пор испытание машины интересовало меня лишь в качестве научного эксперимента. У меня не было никаких улик против этого человека. Хотя одежда его была потрепанной, наши бедняки обычно одеваются еще хуже, а он, судя по всему, из их числа. Больше того, если не считать пятен и маленьких дырочек на одежде — а он ведь, как вы, должно быть, помните, бежал по вспаханному полю и продирался сквозь изгородь, — этот человек был не так уж и грязен. Это, конечно, может означать, что он только недавно вырвался из тюрьмы, но мне почему-то это напомнило отчаянные потуги некоторых бедняков иметь благопристойный вид. Его манера поведения, должен признать, вполне подтверждала мое предположение. Он был молчалив и держался с достоинством, как все они; казалось, его терзает какая-то тайная печаль, а это вообще можно назвать отличительным признаком немущих. О преступлении и вообще обо всем этом деле он якобы ничего не знал и с угрюмым нетерпением ждал каких-нибудь событий, которые дали бы ему возможность выйти из затруднительного положения. Не раз он просил у меня разрешения связаться по телефону с адвокатом, который когда-то давно помог ему в деле, связанном с некой сомнительной торговой сделкой. Вел он себя как совершенно невиновный человек. Против него не было никаких улик, если не считать стрелки детектора лжи, которая, словно пальцем, указала, что сердце его в тот момент стало биться чаще.

Затем, сэр, я проверил машину. Оказалось, она в полном порядке. Когда я вышел вместе с этим человеком в холл, где было много людей, ожидавших допроса, он, по-моему, надумал облегчить душу чем-то вроде признания. Повернувшись ко мне, он тихо сказал:

«Ох, не в силах я больше молчать! Если вам хочется, чтобы я подробно рассказал о себе...»

Но в этот самый момент одна из плохо одетых женщин, сидевших на длинной скамье, вскочила, показала пальцем на моего спутника и крикнула:

«Дурманщик Дэвис! Они сцапали Дурманщика Дэвиса!»

Никогда в жизни я не слышал более отчетливо произнесенных слов. Каждый слог был четок, как стук часов, и даже подвывающая интонация не помешала мне сразу разобрать, какие прозвучали слова. Тощий палец женщины, казалось, сейчас проткнет этого человека, как спица.

Все женщины, сидевшие на лавке, — а это были в основном воровки и проститутки, — повернули головы и обратили к моему спутнику примерно двадцать физиономий, на которых ясно читались ненависть и злорадство. Если б я даже не разобрал, что сказала женщина, то все равно бы понял, что человек, ко-

того мы условно называли Оскаром Райаном, услышал свое настоящее имя. Не так я прост, как вы, возможно, изволите думать. Дурманщик Дэвис — законеный и бессовестный преступник, долго водивший за нос полицию. Не сомневаюсь, что на его совести не одна загубленная человеческая жизнь, даже если не считать историю со стражником. Но, как ни странно, его никогда не задерживали по подозрению в убийстве — быть может, потому, что он совершал эти преступления так же, как и остальные — менее тяжкие, но более гнусные, — за которые его, наоборот, арестовывали часто. Он статный, смазливый парень, по сей день таким остался, хотя времени с тех пор, когда он начинал, прошло немало. Крутился он все больше среди молоденьких продавщиц и судомоек, тративших на него свои сбережения. Часто он преступал закон: опаивал своих подружек снотворным и очищал их кошельки. Потом как-то раз одну из его девиц нашли мертвой, но мотивы убийства выяснить не смогли, да и преступника, как обычно, не поймали. До меня дошли слухи, что Дэвис впоследствии избрал несколько иной род деятельности, можно сказать, противоположный прежнему — не отнимал у людей деньги, а давал их в долг под процент. Клиентура его осталась прежней: неимущие вдовы и девицы, которых он покорял своим обаянием и для которых все кончалось не менее плачевно, чем раньше. Вот каков он, этот человек, которого вы считаете невиновным, причем с такой уверенностью, что сомневаетесь в правильности показаний детектора лжи. С тех пор как он у нас, его опознали трое надзирателей и четверо заключенных. Они тоже слышаны о его подвигах. Ну, так что вы теперь скажете о моей бедной, обиженной машине? Разве не она его разоблачила? Или вам приятнее думать, что его вывели на чистую воду мы с этой женщиной?

— Насчет того, куда или откуда вы его вывели, — отвечал отец Браун, встав и лениво потянувшись, — я бы сказал, что вывели вы его из-под виселицы. Едва ли найдется судья, который решится казнить Дэвиса на основании туманных рассказов об умершей девице. Что же касается каторжника, который сбросил со стены надзирателя, его вы, без сомнения, упустили. Уж в этом-то преступлении ваш Дурманщик неповинен.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился шериф. — Почему он в нем неповинен?

— Почему, почему?! — воскликнул священник, которого неожиданно охватило возбуждение. — Да потому, что он виновен в других преступлениях! Странная у некоторых людей логика: им кажется, что все грехи на Земле хранятся в одном мешке. По-вашему, человек может в понедельник вести себя как последний скряга, а во вторник — как бесшабашный мот! Вы ведь сами сказали мне, что Дэвис месяцами обхаживал нуждающихся женщин, чтобы выманить у них их жалкие гроши, что он пользовался в лучшем случае снотворным, а в худшем — ядом, что он стал мелким ростовщиком и обманывал таких же точно бедняков, действуя в той же манере — методично и спокойно.

Давайте на время допустим — в порядке предположения, — что он действительно все это делал. Если так, тогда я скажу вам, чего он не делал: не взбирался на отвесную стену, которую охранял вооруженный часовой; не делал над-

писи на стене, чтобы взять на себя ответственность за смерть этого человека; не объяснял, что это была самозащита и что он не имел ничего против несчастного часового; не изображал своих инициалов пальцем, смоченным в крови убитого. Господи помилуй! Неужели вы не понимаете, что это совершенно другой характер, иначе проявляющийся и в добре, и в зле, а следовательно, и другой человек?! Из особого теста, что ли, вы сделаны, не из того, что я? Можно подумать, сами вы никогда не грешили!

Ошеломленный американец не сразу сумел даже раскрыть рот, чтобы выразить протест, но тут в дверь его кабинета, смежного со спальней, кто-то забарабанил, причем так громко и неистово, что не привыкший к подобной бесцеремонности шериф вздрогнул.

Затем дверь рывком отворилась. Перед этим Грейвуд Ашер успел подумать, что маленький священник, должно быть, спятил. Но теперь ему показалось, что сходит с ума он сам: в комнату ворвался человек в совершенно непристойных лохмотьях и надетой набекрень засаленной фетровой шляпе, под которой яростно сверкали тигриные глаза. Остальная часть лица была скрыта клокочавой бородой и огромными бакенбардами, из гущи которых выглядывал нос; нижняя часть бороды уходила под повязанный вокруг шеи замусоленный красный шарф или платок. Мистер Ашер гордился тем, что повидал на своем веку — надо признать, прошедшем довольно спокойно, — самое разное отребье рода человеческого, но такой образины лицедреть ему еще не доводилось. К тому же это огородное пугало посмело заговорить с шерифом, и как заговорить!

— Послушай, Ашер, старый хрен, мне это надоело! — проорало чучело в красном платке. — Хватит играть со мной в прятки, тебе меня не провести. Оставь в покое моих гостей, иначе у тебя будет куча неприятностей. Если же сделаешь по-моему, не пожалеешь. Ты ведь знаешь, у меня неограниченные возможности.

Осанистый Ашер внимал этому рыкающему чудищу с изумлением, которое вытеснило все остальные чувства. Он был настолько поражен видом посетителя, что просто не понял смысла его слов. Наконец он пришел в себя и резко дернул шнур звонка.

Пронзительный звон еще не отзвучал, когда послышался тихий, но отчетливый голос отца Брауна:

— Мне кажется, я должен поделиться с вами своей догадкой. Она, правда, несколько обескураживающая. С этим джентльменом я не знаком, но... но мне кажется, что я его знаю. Да и вы его знаете... очень хорошо знаете... хотя на самом деле с ним незнакомы... Мои слова, разумеется, кажутся парадоксом.

— По-моему, весь мир спятил! — воскликнул Ашер и повернулся в кресле боком.

— Послушай, не суй нос в мои дела! — заорал незнакомец и грохнул кулаком по шерифскому столу. Голос его прозвучал как-то загадочно — это явно был голос разумного и воспитанного, хотя и совершенно необузданного человека. — Я хочу...

— Да кто вы такой, черт возьми? — возопил Ашер, внезапно сев очень прямо.

— По-моему, фамилия этого джентльмена — Тодд, — заявил священник. С этими словами он взял со стола газетную вырезку и сказал шерифу: — Боюсь, вы плохо читаете прессу, — после чего монотонно стал бубнить: — «... или эту тайну хранят самые богатые и одновременно самые веселые из столпов нашего общества. Ходят слухи, что они сговорились пародировать представителей наших обездоленных социальных низов». Вчера вечером в поместье «Пруд пилигрима» состоялся «Большой трущобный обед», во время которого исчез один из гостей. Мистер Айртон Тодд, как и подобает хорошему хозяину, проследил дальнейший его путь до этого дома, мистер Ашер. Он даже решил не терять времени на то, чтобы снять свой маскарадный костюм.

— Чей путь?! О ком вы говорите?

— О мужчине в нелепых лохмотьях, который на ваших глазах бежал по вспаханному полю. Не пойти ли вам его проведать? Ему, должно быть, не терпится вернуться к недопитому шампанскому, в дом, от которого он с такой скоростью убегал, чуть завидев вдали каторжника с ружьем.

— Вы что, на самом деле хотите сказать... — начал было шериф.

— Знаете, мистер Ашер, — спокойно молвил отец Браун, — вы ведь сами заявили, что ваша машина не ошибается, и в известном смысле так оно и было. Однако ошиблась другая машина — та, которая управляла первой. Вы решили, что человек в лохмотьях подскочил при упоминании имени лорда Бекасла потому, что он его убил. На самом же деле это произошло по той причине, что он и есть лорд Бекасл.

— Так какого дьявола он это скрывал? — спросил шериф и удивленно уставился на священника.

— Он понял, что вел себя не по-аристократически — струсил, да еще бежал, — ответил отец Браун. — Так что первым его побуждением было скрыть свое имя. Впрочем, он уже собрался вам его сообщить, когда... — тут священник смущенно потупил взор, -... когда та женщина назвала его другим именем.

— Да вы что, совсем спятили? По-вашему, лорд Бекасл и есть Дурманщик Дэвис? — спросил очень бледный шериф.

Отец Браун посмотрел на него с серьезным видом, и лицо его при этом было совершенно непроницаемым.

— Ну, я ведь этого не сказал, — отозвался он. — Все в ваших руках. Из этой розовой газетной вырезки следует, что титул он получил недавно, но на газеты ведь полагаться нельзя. Там говорится также, что юность свою он провел в Америке, но ведь вся эта история совершенно неправдоподобна. Как Дэвис, так и Бекасл — порядочные трусы, но ведь трусов на свете много. Я бы не стал в данном случае делать чересчур поспешных выводов. Однако хочу сказать вот что, — задумчиво продолжал священник, и голос его зазвучал еще тише: — Мне кажется, вы, американцы, чрезмерно скромны. Идеализируете вы нашу английскую аристократию — она кажется вам слишком уж благородной. Когда вы видите благообразного англичанина в смокинге и знаете, что этот человек — член

палаты лордов, вам сразу же приходит в голову, что он всего достиг только за счет родителей. Упускаете вы из виду нашу национальную черту — способность держаться на плаву, а при удобном случае выбираться на берег успеха. Многие из наиболее влиятельных наших граждан выдвинулись совсем недавно, но...

— О, довольно, довольно! — ломая руки, как грешник в аду, взмолился Ашер, поджариваемый на нестерпимо жгучем пламени иронии.

— Да хватит вам болтать с этим помешанным! — яростно взревел Тодд. — Отведите меня к моему другу.

На следующее утро отец Браун снова появился в кабинете шерифа. В руке у него была еще одна розовая газетная вырезка.

— Боюсь, вы пренебрегаете чтением светской хроники, — проговорил он, кладя вырезку на стол. — Между тем, эта заметка может вас заинтересовать.

Ашеру бросился в глаза заголовок: «Заблудившиеся участники застолья у Тодда Очередного Фортеля».

В заметке было напечатано:

Вчера вечером у гаража Уилкинсона произошел забавный эпизод. Дежурный полисмен заметил человека в одежде каторжника, который с самым невозмутимым видом садился за руль новенькой машины марки «Пэнхард». С ним была девушка, чье лицо скрывала рваная шаль. Когда полисмен и механики приблизились, девушка откинула шаль с лица, и все узнали дочь миллионера Тодда — она только недавно встала из-за стола после «Большого трущобного обеда», на котором и остальные гости были в подобных же *déshabillé*¹. Эта дама и ее спутник, облачившийся в наряд каторжника, собирались, как обычно, отправиться на увеселительную прогулку.

Под этой заметкой Ашер обнаружил еще одну. Заголовок гласил: «Ошеломляющее бегство дочери миллионера с каторжником после «Большого трущобного обеда». Парочке удалось скрыться».

Шериф поднял голову, но отца Брауна в комнате уже не было.

¹ Здесь: туалетах (франц.).

ПРИЗРАК ГИДЕОНА УАЙЗА

(Из сборника «Недоверчивость отца Брауна», 1926)

Для патера Брауна случай этот всегда служил примером того, что даже в столь ясном предмете, как теория алиби, есть место казуистике. Теория алиби, как известно, утверждает: никто, за исключением мифической ирландской птицы, не может находиться одновременно в двух разных местах. Для начала скажем: человек по имени Джеймс Бирн, в качестве ирландца-журналиста, был наиболее ярким воплощением той самой ирландской птицы. Однажды ему, почти без преувеличения, удалось оказаться в одно и то же время в двух разных местах: за двадцать минут он побывал в двух компаниях, противоположных по своему политическому и социальному облику.

Первая собралась в зале большого отеля «Вавилон». Там, по обыкновению, встречались трое магнатов делового мира; в этот день они обсуждали, как повернуть массовое увольнение шахтеров, приурочив его к забастовке работников угольной промышленности. Вторая компания заседала в одной из весьма подозрительного вида меблированных комнат, укрывшихся за фасадом бакалейной лавки. Здесь собрался тайный триумвират тех, кто с радостью дал бы перерасти локауту в забастовку, а забастовке — в революцию. Репортер сновал туда и сюда от трех денежных тузов к трем вождям социалистов или, пользуясь модным словом, большевиков.

Трое бонз горнорудной промышленности укрылись в зарослях цветущих растений, среди леса ажурных, испещренных каннелюрами колонн из позолоченного алебаstra. Золоченые птичьи клетки висели под расписными сводами, меж верхних ветвей огромных пальм; пение разноцветных и разноголосых птиц разливалось по зале. Даже на свободе пернатые не поют привольней, цветы не благоухают сильнее, чем здесь, в обществе беспокойного и не замечающего ничего вокруг делового люда, в основном американцев, что разговаривают друг с другом на ходу, торопливо переходя от одного собеседника к другому. Именно здесь, среди узоров в стиле рококо, в которые никто никогда не вглядывался, под аккомпанемент пения экзотических заморских птиц, в которое никто никогда не вслушивался, среди причудливых драпировок и изысков роскошной архитектуры сидели трое миллионеров, толкуя о том, что успех приносят способность, усидчивость, бережливость и умение владеть собой.

Один из троицы меньше говорил, а больше помалкивал и наблюдал за другими своими светлыми неподвижными глазами, казалось, скованными друг с другом металлом пенсне. Неизменная же улыбка этого человека, укрывавшаяся под короткими черными усиками, походила на примерзшую к лицу сардо-

ническую гримасу. Это был знаменитый Джейкоб П. Стейн, не имевший обыкновения открывать рот без крайней необходимости. Его пожилой компаньон, Гэллоп из Пенсильвании, огромный, тучный, с седой шевелюрой и лицом, выдававшим завязтого спорщика, напротив, говорил не умолкая. Пребывая в благом расположении духа, он то язвил насмешками, то страшил третьего миллионера по имени Гидеон Уайз, сухощавого хмурого старика, относившегося к тому человеческому типу, который в его родных краях любят уподоблять американскому орешнику гикори. Благодаря жесткой седой бороде и затрапезной одежде Уайз напоминал старого фермера откуда-нибудь из центральных штатов. Манеры его были соответствующими. Между Уайзом и Гэллопом давно шел спор, что лучше — сотрудничать или соперничать. Ибо старый Уайз походил на отшельника из глухих лесов и по сути, да и по убеждениям, был индивидуалистом или, как сказали бы мы, англичане, мыслил по-манчестерски, в то время как Гэллоп все время убеждал старого упрямца, что конкуренция — явление вредное и нужно объединять ресурсы мировой экономики.

— Рано или поздно ты поймешь, что надо объединяться, — добродушно втолковывал Гэллоп Уайзу в тот момент, когда вошел репортер. — Цивилизация ведь движется именно к этому. Бизнес давно уже перестал быть делом одиноким, и возврат к этому невозможен. Всем нам теперь придется держаться друг друга.

— Если позволите, я кое-что добавлю, — сказал Стейн по обыкновению спокойно. — Есть нечто более важное, чем просто необходимость сотрудничать в коммерции: мы должны постараться быть заодно и в политике. Поэтому я и попросил присутствовать здесь сегодня мистера Бирна. Мы должны стоять друг за друга хотя бы по той простой причине, что все наши самые опасные противники уже объединились.

— Ну, против того, чтоб быть заодно в политике, я никогда и не возражал, — буркнул Уайз.

— Мистер Бирн, — повернулся к журналисту Стейн, — мне известно, что вы бываете порой в довольно подозрительном обществе. Поэтому попрошу вас кое-что для нас сделать. Разумеется, все должно остаться между нами. Вы знаете, где встречаются эти люди, — я имею в виду тех, кто играет там мало-мальски значительную роль, — Джона Элайаса и Джейка Хокета, а может быть, и этого стихоплета Хорна.

— Кстати, Хорн ведь — знакомец нашего Гидеона, — усмехнулся Гэллоп. — По воскресной школе, если не ошибаюсь.

— Ну, тогда он был христианином, — торжественно заявил Уайз. — Потом же стал якшаться с атеистами, а это до добра не доводит. Я иногда его встречаю. Конечно, я на его стороне, коль скоро он выступает против войны и всеобщей воинской повинности, но когда слышишь от него речи завязтого большевика...

— Простите, но дело не терпит отлагательства, — перебил его Стейн. — Поэтому я вынужден, с вашего позволения, изложить его мистеру Бирну. Могу поделиться с вами секретными сведениями, мистер Бирн, о том, что по крайней мере двоих из тамошних заводил можно было бы упрятать за решетку из-за их

связей с противником во время последней войны. Мне не хотелось бы прибегать к подобным мерам. Однако я прошу вас пойти к ним и спокойно объяснить: если они не пойдут на попятный, я завтра же передам все документы по этому делу властям.

— Гм-м, — отозвался Бирн, — то, о чем вы сейчас говорили, явно выходит за рамки закона и очень уж смахивает на шантаж. По-вашему, это не опасно?

— Опасно. Для них, — отпарировал Стейн. — Так что отправляйтесь туда и передайте им то, что я просил.

— Отлично, — вставая, сказал Бирн и лукаво вздохнул: — Здесь работы на целый день. Но, смотрите, если у меня будут неприятности, я уж постараюсь, чтобы они вас тоже не миновали.

— Постарайся, сынок, постарайся, — расхохотался старик Гэллоп.

Великая мечта Джефферсона о Демократии (с большой буквы) еще не сбылась — слишком многое этому препятствует. Пока же в родной стране гениального мыслителя богачи заправляют всем, как тираны, хотя бедняки и не склонны молчать, как рабы. По крайней мере, обе стороны говорят друг с другом без обиняков.

Смутьяны заседали в странной пустой комнате с недавно побеленными стенами, на которых красовалась пара грубо сделанных абстрактных эстампов в манере, которую почему-то называют «пролетарским искусством». Покажите мне хоть одного пролетария, который мог бы тут что-либо разобрать! Единственное, что было общим у военных советов двух противоборствующих сторон, — то, что и здесь, и там нарушался сухой закон, ставший, как известно, частью американской Конституции. Спиртное лилось рекой: перед миллионерами блистали всеми цветами радуги самые разные коктейли. Хокет же, самый решительный из «большевиков», почитал достойным пить лишь русскую водку. Он был долговязым нескладным парнем; в сутулости его таилась угроза, а в линии профиля угадывалось сходство со злобным цепным псом: нос вместе с губами, над которыми презрительно топорщились рыжеватые усы, был вытянут вперед. Приятель Хокета, Джон Элайас, осмотрительный брюнет в очках, носил черную бородку клинышком. Этот пил абсент, к которому пристрастился в бесчисленных кафе Европы.

Журналиста преследовала неотвязная мысль, насколько похожи эти два человека — Джон Элайас и Джейкоб П. Стейн. Сходство проявлялось не только в чертах лица, но и в типе мышления, в повадках, так что, провались вдруг миллионер в люк отеля «Вавилон», он мог бы безнаказанно выйти на свет божий в самом логове заговорщиков.

Третий из этих людей обнаружил весьма странные пристрастия в питии, ибо напитком в его стакане было молоко. Белизна и непрозрачность сей безвредной для здоровья жидкости казались в подобном месте особенно зловещими, словно цвет указывал, что по ядовитым свойствам напиток этот намного превосходит мертвенный, болезненно-зеленый абсент. Однако безвредность молока оказалась все же символичной, ибо Генри Хорн пришел в стан бунтарей извилистой дорожкой и вовсе не был похож ни на мужлана и горлана Джейка,

ни на перекасти-поле Элайаса, начетчика и мастера политических интриг. Он получил хорошее воспитание, в детстве посещал церковь, был трезвенником и остался им даже тогда, когда отказался от таких пустячных вещей, как вера в Бога и семейная жизнь. Лицом он походил на Шелли, был красив и светловолос, как знаменитый поэт, но, в отличие от того, носил бородку на иностранный манер. Золотистая бородка почему-то подчеркивала некоторую женственность его облика, словно эти немногочисленные золотые волоски истощили все мужские свойства его натуры.

Когда журналист вошел в комнату, знаменитый смутьян Джейк Хокет занимался своим любимым делом — витийствовал. Хорн обронил какую-то случайную фразу, нечто похожее на «Боже упаси», а может, и не совсем это, и Джейк, моментально выйдя из себя, напал на поэта:

— «Боже упаси»! Как раз он тебя упасет, держи карман шире! Владыка небесный только и делает, что спасает нас от хорошей жизни, от возможности защищать свои права, бастовать, уничтожать этих кровососов в тех самых местах, где они в нас вцепляются. А почему бы ему не запретить что-нибудь не нам, а им? Почему ваши проклятые священники и святоши не восстанут на этих супостатов и не выкрикнут правду им в лицо? Почему их драгоценнейший Господь...

Тут Элайас, уставший от назойливой риторики, тихо вздохнул и перебил оратора:

— Священники, как писал Маркс, достались нам в наследство от феодализма, а потому при нынешнем экономическом укладе не играют сколько-нибудь значительной роли. То, чем они занимались в древности, делают сейчас ученые-эксперты на службе у капитала, а потому...

— Именно так, — не дал ему договорить журналист, усмехнувшийся невесело и даже с иронией человека, олицетворяющего беспристрастность. — Имейте в виду, что эти ученые достаточно учены, чтобы заниматься своим делом успешно.

И, не отводя глаз под застывшим, как у мертвеца, взглядом голубоглазого Элайаса, журналист рассказал заговорщикам об угрозе Стейна.

— Так я и думал, — усмехнулся Элайас, выдержка которого ему не изменила. — Могу сообщить вам, что я был к этому готов.

— Смрадные псы! — возмутился Джейк. — Бедняка за такие угрозы отдали бы под суд. Но пока правосудию придет на ум заняться этими субъектами, они уже успеют благополучненько переселиться в мир иной. Если эта компания не угодит прямо в преисподнюю, то уж не знаю, есть ли такое пекло, куда их могли бы...

В этот момент Хорн безотчетно сделал протестующий жест — пожалуй, не из-за того, что его сотоварищ уже сказал, а из-за того, что тот сказать собирался. Но тут Джейка решительно оборвал Элайас.

— Нам нет никакого смысла обмениваться угрозами с этими людьми, — заявил он, уставив на репортера немигающий взор из-под очков. — Мы можем быть вполне уверены, что они нас страшат зря, — мы ведь в силах себя обез-

опасить. У нас уже все готово, просто пока еще рано начинать. Если же они перейдут к боевым действиям, мы нанесем сокрушающий удар. Наш план предусматривает немедленное применение силы на всех участках борьбы.

Все это было сказано вполне спокойно и с чувством достоинства, но в безжизненном желтом лице говорившего и в его рачьих глазах было нечто такое, от чего репортер ощутил пробежавший по спине холодок.

Грубое лицо дикаря Хокета в профиль казалось злым, но, заглянув этому человеку в лицо, можно было увидеть: пылающий в его глазах гнев напоминает беспокойство, как будто терзающие его этические и экономические проблемы представляются ему неразрешимыми. Хорна в это время снедало волнение и даже недовольство. Но облик третьего заговорщика — человека с рачьими глазами, говорившего так разумно и просто, наводил ужас: казалось, ораторствует выходец с того света.

Бирн, словно герольд, передал вызов на бой; теперь можно было уйти, что он и сделал. Пробираясь по узкому коридору к выходу из бакалейной лавки, он заметил: вдалеке застит свет странная, хотя и чем-то знакомая ему человеческая фигура, приземистая, коренастая, увенчанная широкополой шляпой, как пригнанная, сидевшей на круглой голове. Контуры фигуры в темноте просматривались не вполне четко, но удивленный журналист сразу понял, кто перед ним.

— Отец Браун! — воскликнул он. — Вы, должно быть, ошиблись дверью. Вряд ли вы состоите в этом тайном обществе.

— Как же, как же, я давний член тайного общества, — с улыбкой ответил маленький священник. — Только в нем состоит почти половина мира.

— Ну, не думаю, чтобы кто-то из здешних обитателей подошел ближе, чем на тысячу миль, к цитадели вашей половины мира.

— Гадать в таких вопросах весьма рискованно, — отозвался патер Браун. — Могу вас уведомить, что есть здесь один человек, отстоящий от сей цитадели лишь на полшага.

Священник вошел в дверь, оставшуюся за спиной репортера, и растворился во тьме, а его собеседник, весьма озадаченный, продолжил путь, но в еще большее изумление привело его происшествие в вестибюле отеля, куда он вошел, чтобы дать отчет своим доверителям-капиталистам. К некоему подобию беседки в украшенном цветами и птичьими клетками холле вела небольшая мраморная лестница, перилами которой служили позолоченные нимфы и тритоны. По этим ступенькам сбежал подвижный молодой человек, курносый брюнет с цветком в петлице сюртука. Он схватил Бирна за руку и увлек его в сторону, прежде чем тот успел поставить ногу на ступеньку.

— Послушайте, — шепнул юноша, — я Поттер, секретарь старого Гидеона. Между нами, тут затевается нечто вроде светопреставления, вы в курсе?

— Я пришел к выводу, что циклопы держат камни за пазухой, — осторожно ответил Бирн. — Но следует помнить: циклопы, конечно, гиганты, но одноглазые. Думаю, что большевизм...

Когда он начал говорить, секретарь слушал его с непроницаемым лицом и потому напоминал бесстрастного монгола, невзирая на европейскую одежду и

американскую торопливость. Но чуть только Бирн заикнулся о «большевизме», глаза молодого человека сверкнули, и он быстро проговорил:

— Ах, вы об этом... Да, конечно, это тоже в некотором роде светопреставление. Я, кажется, ошибся, извините. Вы говорите, «камни за пазухой», хотя следовало бы сказать, «нечто тяжелое в морозильнике»...

С этими словами странный юноша сбежал вниз по другой лестнице и исчез; Бирн же поднялся по ступенькам, ведущим к беседке, ощущая, что туман таинственности все плотнее окутывает его мысли.

Войдя, он увидел: к компании добавился еще один человек, и их стало четверо. Это был мужчина с соломенного цвета волосами и вытянутым лицом, он носил монокль. Звали этого человека Нейрс, и он, очевидно, был не то советником, не то адвокатом старика Гэллопа — точнее выяснить это репортеру не удалось. В разговоре Нейрс все время пытался узнать у репортера, сколько человек входит в революционную организацию, но тот, даже если что-то и знал, отвечал уклончиво. Наконец все четверо встали, и самый молчаливый из них, сняв очки, сказал на прощание:

— Благодарю вас, мистер Бирн. Мне осталось только напомнить, что у нас все готово, — в этом отношении мистер Элайас был прав. Завтра до полудня полиция его арестует, я же представляю улики, так что к вечеру, думаю, вся троица окажется за решеткой. Как вам известно, я пытался этого избежать. Вот и все, джентльмены.

Однако мистер Джейкоб П. Стейн наутро не представил полиции никаких улик по причине, которая не так уж редко обрывает деятельность столь же неуемных людей. Причина заключалась в том, что его уже не было в живых. Замыслил его не суждено было осуществиться; Бирн понял это, когда развернул утреннюю газету и прочитал набранный огромными буквами заголовок: «УЖАСНОЕ ТРОЙНОЕ УБИЙСТВО: ТРИ МИЛЛИОНЕРА ГИБНУТ ЗА ОДНУ НОЧЬ». Ниже следовали другие фразы, обильно уснащенные восклицательными знаками; их набрали самым мелким из имевшихся шрифтов, что должно было символизировать особую таинственность происшествия: дело в том, что миллионеры были убиты одновременно, но в трех разных местах. Стейн погиб в своей роскошной загородной вилле, на сотни миль удаленной от побережья; Уайз — близ своего маленького коттеджа на берегу моря, где этот ценитель простых радостей жизни так любил вдыхать свежий соленый воздух; старик же Гэллоп — в лесной чаще неподалеку от ворот его загородной резиденции в другом конце округа. Смерть каждого, без всяких сомнений, была насильственной. Тело Гэллопа нашли только на следующий день — его труп висел среди сломанных сучьев в небольшом овражке, куда, очевидно, был сброшен сверху, после чего наткнулся на часток кол ветвей, как бизон — на копыя. Уайза же, по всей видимости, столкнули с обрыва в море; старик отчаянно сопротивлялся, на что указывали следы его башмаков у края скалы, то отчетливые, то смазанные. Символом же разыгравшейся трагедии могла служить широкополая соломенная шляпа миллионера, покачивавшаяся на волнах и хорошо заметная сверху, со скалистого берега. Труп Стейна также долго не могли найти, но вот наконец

едва заметный кровавый след привел тех, кто занимался поисками, к бассейну в древнеримском стиле, который Стейн в свое время приказал соорудить посреди сада. Этот человек, обнаруженный без малейших признаков жизни, имел пылкий, устремленный в будущее ум, что не мешало ему быть большим ценителем античности.

Какие бы мысли ни роились в голове у Бирна, он вынужден был признать: улики почти отсутствие вали, да и подозреваемые — тоже. Отсутствие мотивов убийства бросалось в глаза. Не мог же этот бледный юноша-пацифист, Генри Хорн, расправиться с человеком, как мясник — с быком! На других двоих — богухульника Джейка и даже на ироничного еврея Элайаса еще можно было подумать: Бирну казалось, что эти способны на все. Полицейские, которым активно помогал не кто иной, как наш таинственный знакомец мистер Нейрс, человек с моноклем, дали фактам похожую оценку. Они понимали: при сложившемся положении революционеров-заговорщиков нельзя арестовать и отдать под суд — отсутствие улик привело бы к их неминуемому оправданию, а это было бы уже полным фиаско. Хитроумный Нейрс зашел с другой стороны: с видимой приветливостью он пригласил заговорщиков посоветоваться и попросил в интересах справедливости высказаться, что они думают о случившемся. Расследование началось в ближайшем из мест происшествия, а именно — в коттедже Гидеона Уайза.

Бирн также был приглашен и застал странную сцену, напоминавшую то ли вечерний прием в посольстве, то ли допрос важной персоны, когда прямые вопросы не задают, ограничиваясь намеками. К удивлению репортера, среди разношерстной компании, расположившейся вокруг стола в коттедже на морском берегу, он заметил и плотную фигуру чуть ли не с свиной головой. Это был патер Браун, хотя то, что он имеет какое-то отношение к делу, обнаружилось позднее. Был здесь и молодой Поттер, секретарь покойного Уайза, и его присутствие казалось более естественным, хотя поведению естественности не доставало. В доме, где все они собрались, ранее бывал только он один, так что с некоторой долей злой иронии можно было сказать, что он здесь за хозяина; однако помочь следствию словом или делом он не смог или не захотел. На его круглом курносом лице читалась скорее озабоченность, чем печаль.

Джейк Хокет, как обычно, переговаривал всех. От таких, как он, трудно ожидать продуманной версии, призванной вывести его и его друзей из-под подозрения. Юный Хорн, натура более утонченная, пытался приструнить Джейка, когда тот принялся крыть последними словами убитых противников, — ему ничего не стоило в любую минуту обрушиться не только на врагов, но и на друзей. Пройдясь по поводу покойного Гидеона Уайза выражениями, далекими от официального некролога, он тем самым облегчил душу. Элайас в это время сидел без движения и казался невозмутимым, хотя, что выражали его глаза за стеклами очков, осталось неизвестным.

— Похоже, бесполезно объяснять вам, мистер Хокет, что ваши речи совершенно непристойны, — ледяным тоном произнес Нейрс. — Но, может быть, вас

проймет хотя бы то, что по сути они для вас опасны: вы практически признаете, что ненавидели покойного.

— А-а, за решетку хотите меня упрятать, да? — ухмыльнулся любитель поговорить. — Ну-ну. Только вам придется соорудить большущую тюрьму — знаете, сколько миллионов бедняков ненавидели Уайза, да не просто так, а за дело? И ведь я не вру, вы сами прекрасно это понимаете.

Нейрс ничего не ответил; все молчали, пока Элайас не заговорил, слегка шепелявя и растягивая гласные:

— Эта дискуссия, на мой взгляд, совершенно бесплодна и ничего не дает ни нам, ни вам. Нас пригласили сюда либо затем, чтобы запросить у нас определенные сведения, либо вообще чтобы подвергнуть перекрестному допросу. Если вы способны нам поверить, знайте: никакой информацией мы не располагаем. Если же не способны, скажите, в чем нас обвиняют. Против нас нет и не может быть ни тени улик — мы имеем отношение к этим убийствам не больше, чем к гибели Юлия Цезаря. Задержать нас вы не рискнете, хотя и вряд ли нам верите. Так зачем мы здесь собрались?

Элайас встал и принялся неторопливо застегивать свой плащ; его приятели сделали то же самое. Когда они подошли к двери, юный Хорн повернулся, обратив к дознавателям свое бледное лицо фанатика.

— Мне хотелось бы еще упомянуть, что я всю войну просидел в вонючей тюрьме, — сказал он. — И все потому, что не хотел никого убивать.

Все трое вышли; остальные мрачно переглянулись.

— Ну, с их стороны это, конечно, отступление, но не похоже, что для нас то победа, — заметил отец Браун.

— Мне все равно, — заявил Нейрс, — если не считать того, что бездельник и богохульник Хокет выругал меня последними словами. Хорн, во всяком случае, человек воспитанный. Что бы они ни болтали, я готов поклясться: они знают, в чем тут дело. Каждый из них знает или почти каждый. Да они этого особенно не скрывали. И к тому же зубоскалили, зная, что у нас нет доказательств, а есть одна лишь уверенность в своей правоте. Вы согласны со мной, святой отец?

Тот, к кому был обращен этот вопрос, посмотрел на Нейрса рассеянно, как будто пытаясь собраться с мыслями.

— По правде говоря, — наконец начал он, — я почти не сомневаюсь, что один человек из этих троих знает больше, чем говорит. Но, на мой взгляд, правильнее будет пока умолчать о том, кого я имею в виду.

Нейрс устремил на маленького священника столь пронзительный взгляд, что выронил монокль.

— Пока мы с вами просто беседуем, — отчеканил он. — Но, думаю, вы знаете: на более поздних этапах расследования сокрытие информации поставит вас в трудное положение.

— Ну, сейчас, по крайней мере, положение мое очень простое: я представляю интересы моего друга мистера Хокета. На сегодняшний день ему пора бы уже оборвать связи со своей организацией и перестать называть себя социали-

стом. У меня есть все основания полагать, что он близок к принятию догматов католичества.

— Да ну, на Хокета это не похоже, — недоверчиво сказал один из участников беседы. — Он ведь только и знает, что ругать почему зря священников.

— Мне кажется, вы не до конца понимаете подобных людей, — тихо проговорил патер Браун. — Он ругает священников за то, что они, как ему кажется, не выступают в роли активных борцов за справедливость. Но мало-помалу он осознает: священники — тоже люди, и они таковы, какие они есть. Однако мы здесь не для того, чтобы обсуждать психологию обращенных грешников. Я заговорил об этом лишь потому, что, понимая то, что я имею в виду, вы бы сузили круг своих поисков и задача тем самым бы упростилась.

— Если все это правда, круг сузится вокруг этого Элайаса, негодяя с лошадиным лицом, — воскликнул Нейрс. — Столь хладнокровным, злобным и насмешливым может быть, наверное, один лишь дьявол!

Отец Браун вздохнул:

— Ах, он всегда напоминал мне несчастного Стейна! Кажется, они даже были в родстве.

— Ну, я бы сказал... — начал было сыщик, но выразить свое несогласие ему не довелось: дверь распахнулась, и в проеме показалась полная высокая фигура бледнолицего Хорна. На сей раз он даже казался бледнее, чем обычно.

— Эй, — воскликнул Нейрс, вставляя в глазницу монокль, — а почему вы вернулись?

Неуверенно ступая, Хорн пересек комнату и, ни слова не говоря, тяжело упал в кресло. Через некоторое время он пробормотал с каким-то ошарашенным видом:

— Я отстал от остальных... заблудился. Решил, что лучше вернуться.

Со стола все еще не убрали, и Хорн, этот завзятый трезвенник, налил себе полный стакан бренди с ликером и залпом его выпил.

— Кажется, вы чем-то расстроены, — сказал патер Браун.

Хорн приложил ладони ко лбу и, словно из-под козырька, проговорил тихо, обращаясь, казалось, только к священнику:

— Могу сказать, чем. Мне явился призрак.

— Призрак?! — изумился Нейрс. — Какой еще призрак?

— То был дух Гидеона Уайза, хозяина дома, — проговорил Хорн, и голос его теперь звучал увереннее. — Он возник из бездны, которая его поглотила.

— Чушь! — заявил Нейрс. — Ни один нормальный человек не верит в призраков.

— Ну, это не совсем так, — с еле уловимой улыбкой сказал отец Браун. — Факты появления призраков обнаруживаются не реже, чем факты преступлений.

— Что ж, мое дело — гоняться за преступниками, — с солдатской прямоотечеканием Нейрс. — А за призраками пусть гоняются другие. Если сейчас, в начале двадцатого века, кто-то боится духов, это его личное дело.

— Я же не сказал, что их боюсь, хотя, осмелюсь доложить, вполне мог бы, — ответил священник. — Нельзя сказать заранее, как такое воспримешь. Говорил же я о том, что верю в них, хотя бы до той степени, чтобы меня заинтересовал этот, сегодняшний. Расскажите-ка, мистер Хорн, что конкретно вы видели?

— Это было на краю каменных осыпей; там, знаете, есть такая расщелина, куда как раз и сбросили Уайза. Попутчики мои шли впереди, а я брел за ними по вересковой пустоши и вскоре должен был выйти на тропинку, огибающую скалу. Мне часто приходилось там ходить — я люблю смотреть, как гривастые валы наскакивают на скалы. Но сегодня я об этом не думал. Меня только удивило, что море столь беспокоило в такую ясную лунную ночь. Мне были видны бледные гребни волн, то появлявшиеся, то исчезающие, когда волна разбивалась о скалу. Трижды пена вспыхивала бледным огнем лунного серебра, а потом мне привиделось нечто невозможное. Четвертая вспышка серебряной пены не погасла, а осталась гореть на фоне темных небес. Пена все не спадала, и я с болезненным беспокойством ждал, когда же это произойдет. Мне казалось, я схожу с ума, потому что мгновение остановилось, растянулось во времени. Я сделал несколько шагов вперед, и тут у меня, наверное, вырвался громкий крик — зависшие водяные брызги белым, как бы снежным контуром очертили лицо и фигуру человека, бледного, как прокаженный, излучавшего ужас, подобно застывшей молнии.

— Так вы говорите, это был Гидеон Уайз?

Хорн молча кивнул. Воцарилась тишина. Нарушил ее Нейрс, так резко вскочивший со стула, что тот отлетел к стене.

— Нет, это все-таки бред! — воскликнул он. — Но нам лучше туда сходить.

— Я не пойду, — неожиданно громко заявил поэт. — Никогда больше не стану ходить той дорогой.

— А мне думается, всем нам придется сегодня ночью пройти той дорогой, — сурово проговорил священник. — Хотя не скрою, это опасный путь, и скорее для многих, чем для одного.

— Я не пойду... Господи, ну что вы все ко мне пристали! — выкрикнул Хорн, как-то странно отводя глаза.

Все встали, включая поэта, но он, в отличие от остальных, не сделал ни шага к двери.

— Послушайте, мистер Хорн, — строго сказал Нейрс, — да будет вам известно, что я инспектор полиции и моих людей вокруг этого дома много. До сих пор я вел расследование по возможности щадящими способами, но мне надо выяснить все, что относится к делу. Если уж вы рассказываете сказки о каком-то призраке, мне надо проверить и это. Я вынужден требовать, чтобы вы проводили меня к тому самому месту.

Комната снова погрузилась в тишину. Хорн тяжело дышал, его фигура казалась воплощением неопишуемого страха. Потом вдруг он снова сел в кресло и сказал уже другим, более спокойным голосом:

— Я не в состоянии этого сделать. Может, вы даже знаете, почему. Впрочем, рано или поздно вы все равно узнаете. Дело в том, что я убил этого человека.

На мгновение в доме все замерло, как будто прямо над крышей прогремел гром, а в воздухе соткались мертвые тела. Затем жуткую тишину нарушил голос патера Брауна, прозвучавший так странно, что мог вызвать ассоциацию с мышиным писком.

— Вы убили его намеренно? — задал вопрос священник.

— Не знаю даже, как ответить, — сказал человек, сидевший в кресле и уныло грызший ноготь. — Кажется, я был вне себя. Мне давно известно, как нетерпим и нагл этот Уайз. Я был в его владениях, он ударил меня, и не просто задел, а сделал это намеренно. Мы сцепились, и он упал с обрыва. Только когда я отошел уже довольно далеко, меня молнией поразила мысль: я совершил преступное деяние и теперь должен быть изгнан из общества себе подобных. Казалось, каиново клеймо запечатлелось на моем лбу; я отчетливо представлял себе: я — убийца и когда-нибудь мне придется в этом сознаться. — Он вдруг выпрямился: — Но о других не скажу ничего худого. Так что не спрашивайте меня о предварительном умысле или о сообщниках — об этом я говорить не стану.

— Ну, убийство-то ведь совершено не одно, — отозвался Нейрс, — так что вряд ли ссора вышла так уж случайно. Не подослал ли вас кто-нибудь?

— Я не стану давать показаний против старых соратников, — гордо заявил Хорн. — Может быть, я и убийца, но предателем вы меня сделаться не заставите!

Нейрс, загородив поэту выход, пригласил кого-то из своих помощников в дом.

— Мы сейчас все-таки отправимся туда, к обрыву, — тихо сказал он полисмену и указал на Хорна: — Этот человек пойдет с нами. Стерегите его, чтоб не сбежал.

Все понимали, что охота на привидение, особенно после того, как убийца признался, — не более чем прогулка к берегу моря. И то хорошо — ведь надо было снять охватившее всех напряжение. Однако Нейрс — наиболее скептический и иронично настроенный — не хотел упускать ни малейшего шанса что-либо разузнать, хотя бы для этого надо было перевернуть валуны или даже могильные камни. Ибо обрушившийся край скалы и был подобием могильной плиты над водяным ложем несчастного Гидеона Уайза.

Сыщик вышел из дома последним; он запер дверь и последовал за остальными по тропинке, ведущей к скале через вересковую пустошь. И тут он вдруг с изумлением заметил юного Поттера, секретаря покойного магната. Тот быстро шел им навстречу, и лицо его, облитое лунным светом, могло соперничать в бледности с самой Селеной, богиней луны.

— Клянусь Богом, сэр, там и впрямь что-то есть, — были его первые за весь вечер слова. — Он... оно очень похоже на моего хозяина...

— Чушь, — хрипло буркнул инспектор

— Вы что, думаете, я не узнал бы его? — возмущенно воскликнул секретарь.

— Вот-вот, — язвительно сказал сыщик, — и еще вы и некоторые ваши знакомые слишком хорошо помните, что у вас есть причины его ненавидеть. Хокет не зря нас предупреждал.

— Возможно, в этом и есть доля правды, — отозвался секретарь. — Но уж, во всяком случае, я его хорошо знаю в лицо, поэтому утверждаю: я видел, как он стоит там неподвижно и вглядывается в пространство, а над ним сияет эта проклятая луна.

И он указал на расщелину в скале, где даже издали заметно было нечто белое — не то лунный блик, не то фонтан пены, хотя похоже было, что субстанция эта более плотная. Они подошли ближе еще на сотню ярдов; фигура стояла без движения и казалась статуей из серебра.

Нейрс был бледен и явно пытался сообразить, что же делать. Испуг Поттера был не меньшим, чем у самого Хорна, и даже Бирн, ко всему привычный репортер, не обнаруживал ни малейшего желания подойти к фигуре поближе. Пугало Бирна и то, что единственный человек, который признался, что мог бы испугаться призрака, сейчас его ничуть не боялся. Это был отец Браун — он шел вперед так уверенно, как будто перед ним был рекламный стенд.

— Кажется, на вас все это не произвело никакого впечатления, — сказал священнику Бирн. — А я-то думал, вы действительно верите в привидения.

— Если уж на то пошло, я думал, что вы в них не верите, — отвечивал Браун. — Но одно дело — верить в призраков вообще, и совершенно другое — поверить в конкретный призрак.

Бирн был пристыжен; он украдкой бросил еще один взгляд на осыпающийся край обрыва, где в стылом лунном свете белело нечто непонятное.

— Я и не верил, пока сам не увидел, — заявил он.

— А я, напротив, верил, пока сам не увидел, — отозвался священник.

Бирн пристально глядел на него, а отец Браун все шагал вперед по пустоши, полого поднимавшейся к скале, которой расщелина в середине придавала вид двугорбого верблюда. Бледный свет луны делал траву похожей на густую седую шевелюру, зачесанную на сторону гребнем ветра; казалось, она указывала на то место, где на расколоте склоне скалы среди серовато-зеленого торфа белели отложения мела. Именно там и находился не то бледный силуэт, не то светящийся призрак. Эта загадочная белая фигура выделялась на фоне унылого ландшафта, совершенно пустынного, если не считать широкой спины священника, уверенно шагавшего вперед, к разгадке тайны. Тогда вдруг бдительно охраняемый Хорн с пронзительным криком вырвался из рук полицейских, бросился к обрыву, опередив патера Брауна, и упал на колени перед видением.

— Я признался во всем, — выкрикнул он. — Зачем ты явился изобличить меня в убийстве?

— Я явился сказать всем, что ты не виновен в убийстве, — молвил призрак и простер перед собой руку. Коленопреклоненный поэт, коснувшись ее, с кри-

ком вскочил на ноги, и, услышав этот крик, не похожий на предыдущие, все присутствующие поняли: рука — из плоти.

Такого чудесного спасения не помнил ни опытный журналист, ни выдавший виды сыщик. Разгадка оказалась проста: осколки скалы и щебень сыпались с обрыва постоянно; кое-что оседало в огромной расщелине, в результате чего позади верхнего ее края образовалось нечто вроде уступа, за которым темнел уже настоящий обрыв к морю. Старик Уайз — человек выносливый и довольно крепкого сложения — упал на небольшой уступ и там провел целых двадцать четыре часа, далеко не лучших в своей жизни. Он все время пытался вскарабкаться вверх по склону, но песок и щебень осыпались под руками. Наконец из песка со щебнем сложилось нечто похожее на детскую горку — по ней Уайз и смог взобраться наверх. Что подтверждало слова Хорна о белой волне, то появлявшейся, то исчезающей за краем обрыва, а затем застывшей в воздухе — ее роль вполне мог сыграть песок. Как бы то ни было, перед ними целым и невредимым стоял Уайз, мускулистый широкоплечий седой старик в запылившейся деревенской одежде, с жесткими чертами лица, сейчас, однако, несколько сгладившимися. Быть может, миллионарам полезно проводить сутки на узком уступе скалы, в шаге от вечности. Этот, во всяком случае, не только не держал зла на покушавшегося, но обрисовал такую картину происшествия, что вина Хорна стала казаться не столь уж большой. По словам Уайза, поэт вовсе не сталкивал его в бездну, просто земля вдруг стала осыпаться у него под ногами, а Хорн даже пытался его спасти.

— Там, на подставленном мне Провидением уступе скалы, я обещал Господу простить всех моих недругов, — торжественно объявил миллионер. — Создатель, верно, плохо бы обо мне подумал, если б я не простил сейчас такой пустяк.

Прощенному поэту пришлось отбыть в сопровождении полицейских, однако инспектор прекрасно понимал, что его заключение окажется недолгим, а наказание — если таковое вообще будет назначено — чисто символическим. Не часто убийце удастся воспользоваться на суде благоприятными показаниями жертвы.

— Удивительное происшествие, — сказал Бирн, когда инспектор в сопровождении своих спутников торопливо шагал по узкой дорожке к городу.

— Вот именно, — откликнулся маленький священник. — Может быть, к нам оно имеет мало отношения, но я был бы не против остановиться где-нибудь здесь и обсудить с вами все детали.

Репортер помолчал, потом выразил согласие, начав обсуждение так:

— По-моему, вы уже взяли Хорна на подозрение, когда заявили, что один из тех, с кем мы беседовали, не рассказал всего, что знает.

— Говоря об этом, я имел в виду молодого мистера Поттера, секретаря восставшего из небытия и ныне уже не оплакиваемого мистера Гидеона Уайза.

— Ну, в тот раз, когда Поттер вдруг соизволил со мной заговорить, он показался мне безумцем, — сказал Бирн, глядя в пространство. — Никогда не ду-

мал, что он может оказаться преступником. Что-то такое он говорил о морозильнике.

— Вот-вот, поэтому я и решил, что он кое-что знает, — задумчиво отозвался патер Браун. — Я ведь не утверждал, что он замешан в преступлении... Интересно, неужели Уайз настолько силен, что смог самостоятельно выбраться из пропасти?

— Что вы хотите этим сказать? — спросил озадаченный репортер. — Разумеется, он оттуда выбрался — вот же он, почти рядом с нами!

Священник не стал пускаться в объяснения, а вместо этого быстро спросил:

— А что вы скажете о Хорне?

— Ну, конечно, он не преступник в полном смысле слова, — ответил журналист. — У него вовсе нет тех наклонностей, которые я часто видел у некоторых субъектов, а мистер Нейрс, без сомнения, видел еще чаще. Не думаю, что кто-то из нас в глубине души верил: Хорн — преступник.

— А я только так о нем и думал, — сказал священник. — Вы, конечно, знаете о преступниках больше, чем я. Но есть такой сорт людей, о которых я имею более полное представление, чем вы или даже мистер Нейрс. Таких людей я видел множество, и повадки их мне известны.

— Таких людей... — повторил заинтригованный Бирн. — Каких же? Кого вы имеете в виду?

— Кающихся грешников.

— Ничего не понимаю, — признался журналист. — Вы что, не верите в его проступок?

— Я не верю его признанию, — ответил священник. — Много я слышал в жизни признаний, но это звучало не так, как все. Было в нем что-то романтическое, книжное. Взять хотя бы то, что он говорил о каиновой печати. Все это вычитано в книгах. Человек, совершивший нечто ужасное, не думает о литературных аналогиях. Поставьте себя на место честного клерка или приказчика, впервые присвоившего чужие деньги и потрясенного этим. Неужели вы станете припоминать, кто же совершил такое впервые — уж не библейский ли Варава? Предположим другое: в порыве безумного гнева вы ударили ребенка и убили его. Так что же, вы станете проводить исторические аналогии с царем Иудеи и губителем младенцев? Поверьте, наши преступления столь мелки и прозаичны, что нам трудно уподобить их деяниям великих грешников. Нам просто в голову такое не придет. А Хорн к тому же вышел из роли, заявив, что не станет выдавать сообщников. Да кто его об этом спрашивал? Сказав то, что он сказал, Хорн тем самым уже их выдал. Нет, далеко ему до полной искренности, и я ни за что не отпустил бы ему грехи. Хорошенькое дело — прощать людей за проступки, которых они не совершали!

И патер Браун, отвернувшись, устремил взгляд в морскую даль.

— Но я вас не понимаю! — воскликнул Бирн. — Зачем подозревать его, если он уже прощен? Если он не имеет отношения ко всему этому? Признан невиновным?

Патер Браун вдруг завертелся на месте, как волчок, потом ухватил собеседника за рукав.

— Вот в чем суть! — выкрикнул он в необычайном волнении. — Из этого и надо исходить! Он признан невиновным. Не имеет отношения ко всему этому. Потому-то он и есть главная фигура в деле.

— На помощь! — тихо сказал обалдевший Бирн.

— Я хочу сказать, что он виновен именно потому, что признан невиновным, — настаивал маленький священник. — В этом кроется разгадка.

— Вполне очевидная, надо полагать, — съязвил журналист.

Какое-то время они простояли молча — оба глядели на море. Потом отец Браун бодро заговорил:

— Теперь вернемся к загадочному слову «морозильник». В этом деле все вы совершили ошибку там, где ошибаются обычно газетчики и политические деятели. По-вашему, в современном мире не с кем бороться, кроме революционеров. Так вот, дело, которое мы расследуем, не имеет к революции и к большевикам никакого отношения. Ну, может быть, все это — лишь фон, на котором разыгрывается действие.

— Не понимаю, почему вы так думаете, — возразил Бирн. — Налицо три миллионера, которых убили или пытались убить...

— Нет! — воскликнул священник, и голос его звенел от волнения. — Все совсем не так. Пытались убить, да и убили лишь двоих; третий же цел и невредим, все так же упрямится, брыкается и выказывает норы. В том-то и дело. Вы же навсегда избавили его от угрозы, нависшей над ним с того самого момента, когда в отеле, на ваших глазах, ему предъявили ультиматум, причем в столь мягкой и вежливой манере, что вы ничего не поняли. Помните, вы рассказывали мне об этой беседе в холле? Гэллоп и Стейн угрожали независимому, привыкшему вести дела по старинке предпринимателю: если он откажется с ними объединиться, они его «заморозят». Вот почему впоследствии прозвучало слово «морозильник». Там, как известно, хранят трупы.

Помолчав, патер Браун продолжал:

— Конечно, в мире ширится революционное движение, и, без сомнения, с ним надо бороться, хотя, на мой взгляд, вовсе не так, как это сейчас делается. Однако мало кто замечает, что в нашем мире есть и другое движение, также набирающее силы: монополизация промышленности, торговли, да и еще много чего. Это тоже своего рода революция. И исход ее будет таким же, как у любой революции: люди будут сражаться друг с другом и убивать, как они убивают во имя святого коммунистического будущего. На этой войне — как на любой другой — ультиматумы, агрессия, казни. У каждого из магнатов-монополистов свой двор, наподобие королевского, свои телохранители и наемные убийцы; каждый засылает шпионов в стан врага. Хорн был одним из шпионов старого Гидеона Уайза в лагере общего врага всех монополистов, однако хозяин использовал его против двоих соперников, угрожавших его уничтожить.

— Ума не приложу, как он был использован и что из этого вышло, — сказал Бирн.

— Да разве вы не понимаете, что Хорн и Уайз обеспечили друг другу алиби? — вскричал священник.

Бирн все еще смотрел на него с некоторым недоверием, хотя свет истины уже забрезжил в его глазах.

— Вот что я имел в виду, — продолжал отец Браун, — когда сказал: Хорн не имеет отношения ко всему этому, следовательно, он и есть главная фигура. Кто же усомнится в том, что эти двое не имеют отношения к тем двум убийствам, раз они — участники другого происшествия? На самом же деле все наоборот: они причастны к тем двум убийствам, поскольку здесь ничего не совершили, да и вообще здесь ничего не произошло. Алиби они построили, конечно, совершенно парадоксальное и потому непостижимое; оно чуть было не сработало. Кто же усомнится, что человек, признавшийся в убийстве, искренен, да и другой, простивший убийцу, тоже? Никому и в голову не придет, что на самом деле ничего не было — одному не в чем каяться, а другому — нечего прощать. Эта история должна убедить всех и каждого, что эти двое находились именно здесь и с ними происходило именно то, о чем они говорили. На самом же деле их тут не было и в помине: Хорн прошлой ночью расправился со стариком Гэллопом в лесу, а Уайз удавил финансиста Стейна в римском бассейне. Вот почему я и полюбопытствовал, откуда взялись у Уайза силы, чтобы вскарабкаться почти по отвесному утесу.

— Да, это было бы весьма рискованным предприятием, — огорченно сказал Бирн. — Но вся история так гармонировала с пейзажем, да и звучала столь убедительно!

— Даже слишком, и потому показалась мне сомнительной, — покачал головой маленький священник. — Как живописно была обрисована морская пена в лунном свете, вздымающаяся и превращающаяся в призрак! Но как это надуманно! Хорн, конечно, двурушник и трус, но не забывайте: подобно некоторым другим известным в истории двурушникам и трусам, он к тому же поэт!